

Бертольд Брехт Кавказский меловой круг

В сотрудничестве с Р.Берлау

Перевод С. Апта

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старый крестьянин справа.

Крестьянка справа.

Молодой крестьянин.

Очень молодой рабочий.

Старый крестьянин слева.

Крестьянка слева.

Женщина-агроном.

Молодая трактористка.

Раненый солдат.

Другие колхозники и колхозницы.

Представитель из столицы.

Аркадий Чхеидзе - певец.

Его музыканты.

Георгий Абашвили - губернатор.

Нателла - его жена.

Михаил - их сын.

Гоги - адъютант.

Арсен Казбеки - жирный князь.

Конный гонец из города.

Нико Микадзе |

} врачи.

Миха Лоладзе |

Симон Хахава - солдат.

Груше Вахнадзе - судо!мойка.

Три архитектора.

Четыре служанки.

Нянька.

Повариха.

Повар.

Конюх.

Слуги во дворце губернатора.

Латники и солдаты губернатора и жирного князя.

Нищие и просители.

Старый крестьянин, продающий молоко.

Две знатные дамы.

Хозяин постоялого двора.

Работник.

Ефрейтор.

Латник "Дубина".

Крестьянка.

Ее муж.

Три купца.

Лаврентий Вахнадзе - брат Груше.

Анико - его жена.

Их работники.

Крестьянка - временная свекровь Груше.

Давид - ее сын, муж Груше.

Монах.

Гости на свадьбе.

Дети.

Аздак - деревенский писарь.

Шалва - полицейский.

Старик беглец - великий князь.

Племянник Арсена Казбеки.

Врач.

Инвалид.

Хромой.

Вымогатель.

Хозяин другого постоянного двора.

Тамара - невестка хозяина.

Работник хозяина.

Старая бедная крестьянка.

Иракий - ее свояк, бандит.

Три кулака.

Ило Шуболадзе |

} адвокаты.

Сандро Оболадзе |

Очень старая супружеская чета.

I

Спор о долине

Разрушенная кавказская деревушка. Среди развалин сидят кружком, пьют вино и курят колхозники - делегаты двух деревень, в большинстве женщины и пожилые мужчины. Есть и несколько солдат. К ним приехал из столицы представитель

государственной комиссии по восстановлению хозяйства.

Крестьянка слева (показывает). Вон там, в предгорье, мы задержали три фашистских танка, но яблоневый сад был уже уничтожен.

Старик справа. А наша молочная ферма! Остались одни развалины!

Молодая трактористка. Это я подожгла ферму, товарищ.

Пауза.

Представитель. Выслушайте теперь протокол. В Нуку прибыла делегация овцеводческого колхоза "Ашхети". Когда гитлеровцы наступали, колхоз по указанию органов власти угнал свои стада на восток. Сейчас колхоз ставит вопрос о реэвакуации. Делегация ознакомилась с состоянием местности и установила, что разрушения очень велики.

Делегаты справа утвердительно кивают.

Соседний плодородческий колхоз имени Розы Люксембург (обращаясь к сидящим справа) вносит предложение использовать прежние пастбища колхоза "Ашхети" под плодородство и виноградарство. Земля эта представляет собой долину, травы там скверные. Как представитель комиссии по восстановлению, я предлагаю обеим деревням самим решить вопрос, должен сюда возвращаться колхоз "Ашхети" или нет.

Старик справа. Прежде всего я еще раз протестую против жесткого регламента выступлений. Мы добирались сюда из колхоза "Ашхети" три дня и три ночи, а теперь вы хотите провести обсуждение всего за полдня!

Раненый солдат слева. Товарищ, у нас теперь не так много деревень, не так много рабочих рук и не так много времени.

Молодая трактористка. На все удовольствия нужна норма. Табак по норме, вино по норме, дискуссия тоже по норме.

Старик справа (со вздохом). Черт бы побрал фашистов! Ну что ж, буду говорить по существу. Объясню, почему мы хотим вернуть себе нашу долину. Причин тому много, но я начну с самых простых. Макинэ Абакидзе, разверни-ка сыр.

Крестьянка справа извлекает из большой корзины огромную голову сыра, завернутую в тряпку. Смех и аплодисменты.

Прошу, товарищи, угощайтесь.

Старый крестьянин слева (недоверчиво). Это что, средство воздействия?

Старик справа (под смех присутствующих). Ну какое же это средство воздействия, Сураб, разбойник. Уж тебя-то мы знаем. Ты такой, что и сыр возьмешь и долину захватишь.

Смех.

Ничего мне от тебя не нужно, только честный ответ. Нравится тебе этот, сыр?

Старик слева. Хорошо, отвечу. Да, нравится.

Старик справа. Так. (С горечью.) Пора бы мне знать, что ты ничего не смыслишь в сыре.

Старик слева. Почему это я не смыслю? Я же говорю, что сыр мне нравится.

Старик справа. Потому что он не может нравиться. Потому что он не такой, каким был раньше. А почему он не такой? Потому что нашим овцам новая трава нравится меньше, чем прежняя. Сыр не сыр, потому что трава не трава. Вот в чем дело. Прошу это записать в протокол.

Старик слева. Да ведь отличный сыр у вас.

Старик справа. Никакой он не отличный, а с натяжкой средний. Что бы там молодежь ни говорила, а новое пастбище никуда не годится. Я заявляю, что там нельзя жить. Что там даже по утрам не пахнет утром.

Кое-кто смеется.

Представитель. Не сердись, что они смеются, они ведь тебя понимают. Товарищи, почему любят родину? А вот почему: хлеб там вкуснее, небо - выше, воздух - душистее, голоса - звонче, по земле ходить легче. Разве не так?

Старик справа. Долина была испокон веков наша.

Солдат слева. Что значит "испокон веков"? Ничего не может принадлежать "испокон веков". Когда ты был молодой, ты принадлежал не себе, а князьям Казбеки.

Старик справа. По закону - долина наша.

Молодая трактористка. Законы нужно, во всяком случае, пересмотреть: может быть, они уже не годятся.

Старик справа. И то сказать. Разве все равно, какое дерево стоит возле дома, где ты родился? Или какой у тебя сосед - разве это все равно? Мы хотим вернуться хотя бы для того, чтобы нашими соседями были вы, разбойники. Можете опять смеяться.

Старик слева (смеется). Почему же ты тогда не можешь спокойно выслушать, что скажет насчет долины твоя соседка - наш агроном Като Вахтангова?

Крестьянка справа. Мы еще далеко не все сказали о нашей долине. Дома-то не все разрушены, а от фермы по крайней мере фундамент остался.

Представитель. Вы можете рассчитывать на помощь государства - и здесь и там, вы это знаете.

Крестьянка справа. Товарищ уполномоченный, здесь у нас не торговля. Я не могу снять с тебя шапку и надеть на тебя другую, - эта, мол, лучше. Может, она и лучше, да тебе твоя нравится.

Молодая трактористка. Земля - это не шапка, не шапка в нашей стране, товарищ.

Представитель. Спокойно, товарищи. Правильно, земельный надел надо рассматривать скорее как орудие, производящее полезные вещи, но неверно было бы не считаться с тем, что люди привязаны к определенному клочку земли. Прежде чем продолжать обсуждение, я предлагаю, чтобы вы рассказали товарищам из колхоза "Ашхети", что вы собираетесь делать с этой долиной.

Старик справа. Согласен.

Старик слева. Правильно, пусть скажет Като.

Представитель. Товарищ агроном!

Женщина-агроном (встает, на ней военная гимнастерка). Товарищи, прошлой зимой, когда здесь, в предгорье, шли бои, мы, партизаны, говорили между собой, как нам после изгнания немцев восстановить садоводство и в десять раз расширить площадь наших садов. Я разработала проект системы орошения. Если у нас на горном озере возвести плотину, мы дадим воду тремстам гектарам неплодородной земли. Тогда бы наш колхоз мог заниматься не только плодоводством, но и виноградарством. Но проект окупится только в том случае, если к нам отойдет спорная долинная земля колхоза "Ашхети". Вот расчеты. (Протягивает представителю папку.)

Старик справа. Запишите в протокол, что наш колхоз собирается создать у себя конный завод.

Молодая трактористка. Товарищи, проект этот был составлен в те дни и ночи, когда мы вынуждены были жить в горах, когда у нас часто не хватало патронов, да и винтовок было мало. Даже карандаш достать было трудно.

Аплодисменты с обеих сторон.

Старик справа. Спасибо товарищам из колхоза имени Розы Люксембург и всем, кто защищал родину!

Колхозники обмениваются рукопожатиями и обнимают друг друга.

Крестьянка слева. Нам хотелось тогда, чтобы наши солдаты, наши и ваши мужья, вернувшись, нашли свою родную землю еще более плодородной.

Молодая трактористка. Как сказал поэт Маяковский: "Отечество славию, которое есть, но трижды - которое будет!"

Все делегаты справа, кроме старика, встают и вместе с представителем из центра рассматривают чертежи агронома.

Голоса. Почему высота падения двадцать два метра?

- А эту скалу нужно взорвать!

- В сущности понадобится только цемент и динамит.

- Они заставят воду спуститься сюда, ловко!

Очень молодой рабочий справа (старик справа). Они оросят всю землю между холмами, взгляни, Резо.

Старик справа. Нечего мне смотреть. Я и так знал, что проект будет хороший. Я не позволю, чтобы к груди моей приставляли дуло.

Представитель. Не дуло, а всего-навсего карандаш.

Смех.

Старик справа (мрачно встает и идет смотреть чертежи). Эти разбойники, увы, прекрасно знают, что у нас не могут устоять перед машинами и проектами.

Крестьянка справа. Резо Берешвили, когда у тебя самого появляются новые проекты, ты несноснее всех, это известно.

Представитель. Так как же мне быть с протоколом? Можно записать, что у себя в колхозе вы выскажетесь за то, чтобы уступить долину в связи с этим проектом?

Крестьянка справа. Я - да. А ты, Резо?

Старик справа (склонившись над чертежами). Я предлагаю, чтобы вы дали нам копии чертежей.

Крестьянка справа. Тогда, значит, можно идти обедать. Если он возьмет чертежи и начнет их обсуждать - значит, вопрос, решен. Я его знаю. У нас все такие.

Делегаты со смехом обнимают друг друга.

Старик слева. Да здравствует колхоз "Ашхети"! Желаем вам удачи с конным заводом!

Крестьянка слева. Товарищи, в честь дорогих гостей, делегатов колхоза "Ашхети" и представителя из центра, у нас запланирован спектакль с участием певца Аркадия Чхеидзе. Пьеса связана с нашим вопросом.

Аплодисменты. Молодая трактористка побежала за певцом.

Крестьянка справа. Только, товарищи, чтоб пьеса ваша была хорошая. Мы платим за нее долиной.

Крестьянка слева. Аркадий Чхеидзе знает наизусть двадцать одну тысячу стихов.

Старик слева. Мы разучили пьесу под его руководством. Не так-то просто заполучить Аркадия. Плановой комиссии, товарищ, надо бы позаботиться, чтобы он почаще бывал у нас на севере.

Представитель. Мы, собственно, больше занимаемся экономикой.

Старик слева (улыбаясь). Вы наводите порядок в распределении тракторов и виноградных лоз. Почему бы вам не вмешаться и в распределение песен?

Молодая трактористка вводит в круг певца Аркадия Чхеидзе, коренастого человека самого обыкновенного вида. За ним идут четыре музыканта со своими

инструментами. Артистам аплодируют.

Молодая трактористка. Это товарищ уполномоченный, Аркадий.

Певец здоровается с окружившими его колхозниками.

Крестьянка справа. Для меня большая честь познакомиться с вами. О ваших песнях я слыхала еще на школьной скамье.

Певец. На этот раз мы покажем спектакль с песнями, участвует почти весь колхоз. У нас с собой старые маски.

Старик справа. Наверно, это какое-нибудь старое предание?

Певец. Очень старое. Оно называется "Меловой круг", родина его Китай. Но мы сыграем его в измененной форме. Юра, покажи-ка маски. Товарищи, для нас большая честь - выступить перед вами после такой нелегкой дискуссии. Надеемся, вы согласитесь, что голосу старого поэта и тракторный рокот не помеха. Разные вина, может быть, и не годится мешать, но старая мудрость и новая мудрость дают отличную смесь. Думаю, однако, что до начала спектакля всех нас накормят? Это, знаете ли, помогает.

Голоса. Конечно!

- Пойдемте все в клуб!

Все весело расходятся.

Представитель (обращается к певцу). Надолго эта история, Аркадий? Я сегодня же ночью должен возвратиться в Тбилиси.

Певец (вскользь). Здесь, собственно, две истории. Несколько часов.

Представитель (очень искренне). Никак нельзя покороче?

Певец. Никак.

II

Знатный ребенок

Певец (сидя на земле перед музыкантами, с черной буркой на плечах, листает потрепанные страницы либретто).

В старое время, кровавое время,

В городе этом - а город "проклятым" прозвали

царил

Губернатор по имени Георгий Абашвили.

Он богат был, как Крез.

У него была красавица жена.

У него был ребенок - кровь с молоком.

Ни один губернатор грузинский не мог бы
похвастать

Столькими лошадьми в конюшнях,

Столькими нищими у порога,

Столькими солдатами у себя на службе,

Столькими просителями в своем дворе.

Как описать мне вам такого Георгия Абашвили?

Жизнь его была сплошным блаженством.

Однажды в пасхальное воскресенье

Губернатор, а также его семья

Отправились в церковь.

Из-под арки дворца потоком выходят нищие и просители, поднимая над головами
изможденных детей, костыли и прошения. За ними - два солдата в кольчугах,

затем в дорогих нарядах выходит семья губернатора.

Нищие и просители. Сжальтесь, ваша милость, налог нам не по силам.

- Я потерял ногу на персидской войне, где я возьму...

- Мой брат невиновен. Это недоразумение, ваша милость.

- Он у меня умрет с голоду.

- Прошу вас, освободите единственного оставшегося у нас
сына от военной службы.

- Ваша милость, инспектор, ведающий водой, подкуплен.

Слуга собирает прошения, другой слуга достает из кошелька деньги и раздает
милостыню. Солдаты, замахиваясь на толпу тяжелыми кожаными бичами,

оттесняют ее назад.

Солдат. Назад! Очистить вход в церковь!

Вслед за губернаторской четой в роскошной коляске везут губернаторского ребенка. Толпа снова теснится вперед, чтобы посмотреть на него.

Голоса из толпы. Вот он, ребенок!

- Я не вижу, не толкайтесь.

- Благословенье божье, ваша милость.

Певец (меж тем как солдаты работают бичами).

В ту пасху в первый раз народ наследника
увидел.

Два доктора от знатного ребенка не отходили
ни на шаг.

Они его хранили как зеницу ока.

Даже могущественный князь Казбеки

Засвидетельствовал ему свое почтение.

Жирный князь выходит вперед и здоровается с семьей губернатора.

Жирный князь. С праздником, Нателла Абашвили.

Раздается военная команда. Прискакавший конный гонец протягивает губернатору свернутые в трубку бумаги. Губернатор делает знак адъютанту, красивому молодому человеку, тот подходит к всаднику и удерживает его. Наступает короткая пауза, в течение которой жирный князь подозрительно рассматривает

всадника.

Какой денек! Вчера шел дождь, и я уже подумал: невеселые праздники. А сегодня утром - пожалуйста, ясное небо. Я люблю ясное небо, Нателла Абашвили, душа моя. Маленький Михаил - вылитый губернатор, ти-ти-ти. (Щекочет ребенка.) С праздником, маленький Михаил, ти-ти-ти.

Жена губернатора. Подумайте, Арсен, Георгий наконец-то решил начать новую пристройку на восточной стороне. Все предместье, где сейчас эти жалкие лачуги, пойдет под сад.

Жирный князь. Вот хорошая новость после стольких печальных. Что слышно о войне,

брат Георгий?

Губернатор жестом отмахивается от ответа.

Верно мне говорили - стратегическое отступление? Ну что ж, такие неприятности всегда случаются. Сегодня дела лучше, а завтра хуже - раз на раз не приходится. Переменный успех. Это же не имеет значения, правда?

Жена губернатора. Он кашляет! Георгий, ты слышал? (Резко двум врачам, степенно стоящим у самой коляски.) Он кашляет.

Первый врач (второму). Позвольте вам напомнить, Нико Микадзе, что я был против прохладной ванны. Небольшая ошибка в температуре воды для купанья, ваша милость.

Второй врач (также очень вежливо). Никак не могу согласиться с вами, Миха Лоладзе, эту температуру рекомендует наш великий и любимый Мишико Оболадзе. Скорее ночной сквозняк, ваша милость.

Жена губернатора. Следите же за ним. Похоже, что у него жар, Георгий.

Первый врач (склонившись над ребенком). Нет никаких оснований для беспокойства, ваша милость. Чуть погорячее ванна - и все будет в порядке.

Второй врач (смерив первого ядовитым взглядом). Я этого не забуду, любезнейший Миха Лоладзе. Нет никаких оснований беспокоиться, ваша милость.

Жирный князь. Ай-ай-ай! Когда у меня колет в печени, я всегда говорю: "Пятьдесят ударов по пяткам доктору". И то лишь потому, что мы живем в изнеженный век. Раньше бы за это сразу голову с плеч.

Жена губернатора. Пойдемте в церковь, здесь, наверно, сквозняк.

Процессия, состоящая из губернаторской семьи и слуг, поворачивает к церковной паперти. Жирный князь следует за процессией. Адъютант подходит к

губернатору и указывает на гонца.

Губернатор. Не перед богослужением же, Гоги.

Адъютант (всаднику). Перед богослужением губернатору неуместно утруждать себя чтением депеш, тем более что они, скорее всего, огорчительного свойства. Ступай на кухню, друг, скажи, чтоб тебе дали поесть.

Адъютант присоединяется к процессии, гонец, выругавшись, идет через ворота во дворец. Из дворца выходит солдат и останавливается под аркой.

Певец.

В городе тихо.

Перед церковью расхаживают голуби.

А солдат дворцовой стражи

Шутит с кухонной девчонкой,

Что с реки идет со свертком во дворец.

Служанка со свертком под мышкой хочет пройти через арку. Предмет, который она несет, завернут в большие зеленые листья.

Солдат. Почему барышня не в церкви? Она отлынивает от богослужения?

Груше. Я уже оделась было, да тут понадобился гусь для пасхального обеда, меня и послали, я знаю толк в гусях.

Солдат. Гусь? (С напускным недоверием.) Надо бы мне взглянуть на этого гуся.

Груше не понимает.

С вашей сестрой надо быть начеку. Тебе скажут: "Я ходила за гусем", а потом окажется, что не за гусем, а совсем за другим.

Груше (решительно подходит к нему и показывает гуся). Вот он. И если это не пятнадцатифунтовый, откормленный кукурузой гусь, я готова съесть его перья.

Солдат. Это король гусей! Его скушает сам губернатор. Значит, барышня опять была на реке?

Груше. Да, на птичьем дворе.

Солдат. Ах вот как, на птичьем дворе, значит, ниже па течению, а не наверху, где известные барышне ивы?

Груше, В ивняке я бываю ведь, только когда стираю белье.

Солдат (многозначительно). Вот именно.

Груше. Что "вот именно"?

Солдат (подмигивая). То самое.

Груше. А почему бы мне не стирать белье в ивняке?

Солдат (с деланным смехом). "Почему бы мне не стирать белье в ивняке"? Здорово, честное слово, здорово.

Груше. Не понимаю господина солдата. Что тут такого?

Солдат (лукаво). Если б знала она, что знает он, она б потеряла покой и сон.

Груше. Не знаю, что можно знать о каких-то ивах.

Солдат. А если напротив кустарник, из которого все видно? Все, что там происходит, когда некоторые "стирают белье"!

Груше. Что там происходит? Пусть господин солдат скажет, что он имеет в виду, и дело с концом.

Солдат. Наверно, уж происходит что-то такое, что можно увидеть.

Груше. Уж не то ли, господин солдат, что в жару я окунаю в воду кончики ног? Больше там ничего не бывает.

Солдат. Нет, больше. Кончики ног и больше.

Груше. Что еще? Ну, может быть, иногда всю ступню.

Солдат. Ступню и немножко больше. (Смеется.)

Груше (сердито). Симон Хахава, как тебе нестыдно! Сидеть в жару в кустах и ждать, когда человек окунет ноги в воду! И, наверно, еще с другим солдатом! (Убегает.)

Солдат (кричит ей вдогонку). Нет, один!

Когда певец возобновляет свой рассказ, солдат бежит за Груше.

Певец.

В городе тихо, зачем же нужно оружие?

Во дворце губернатора мир и покой.

Почему же дворец - это крепость?

Из церкви слева быстро выходит жирный князь. Он останавливается, оглядывается. У арки справа ждут два латника. Князь замечает их и медленно проходит мимо, делая им знаки; затем быстро удаляется. Один латник уходит через арку во дворец, другой остается на страже. Из глубины сцены с разных сторон глухо доносится: "По местам!" Дворец окружен. Издали слышен церковный

звон. Из церкви возвращается губернаторская семья со свитой.

Певец.

И губернатор вернулся к себе во дворец,

И в западню превратилась крепость.

И гусь ошипан был и зажарен,

И не был съеден пасхальный гусь,

И полдень не был часом обеда,

И был этот полдень часом смерти.

Жена губернатора (на ходу). Совершенно невозможно жить в этом сарае, но Георгий строит, конечно, для своего сыночка, а не для меня. Михаил - это все! Все для Михаила!

Губернатор. Ты слышал, брат Казбеки поздравил нас с праздником! Очень мило, но, по-моему, в Нуке этой ночью не было дождя. Где был брат Казбеки, там шел дождь. Где же был брат Казбеки?

Адъютант. Надо расследовать.

Губернатор. Да, немедленно. Завтра же.

Процессия поворачивает к арке. Конный гонец, который в это время возвращается из дворца, увидев губернатора, подходит к нему.

Адъютант. Не изволите ли выслушать гонца из столицы, ваше превосходительство? Он прибыл сегодня утром с секретными бумагами.

Губернатор (на ходу). Не перед едой же, Гоги!

Процессия скрывается во дворце, и у ворот остаются только два латника из дворцовой стражи.

Адъютант (гонцу). Губернатор не желает, чтобы перед едой ему докучали военными сводками, а вторую половину дня его превосходительство посвятит совещанию с выдающимися архитекторами, которые приглашены также на обед. Вот они уже здесь.

Появляются три архитектора. Гонец уходит.

(Здоровается с архитекторами.) Господа, его превосходительство ждет вас к обеду. Все его время будет посвящено только вам и великим новым планам! Поторопитесь, господа!

Архитектор. Мы восхищены тем, что, несмотря на тревожные слухи о неблагоприятном повороте войны в Персии, его превосходительство собирается строить.

Адъютант. Вернее было бы сказать: "Из-за тревожных слухов"! Это пустяки. Персия далеко. Здешний гарнизон готов в огонь и воду за своего губернатора.

Из дворца доносится пронзительный женский крик, потом военная команда. Адъютант понуро идет к арке. Один из латников выходит вперед, направляя на

адъютанта копье.

В чем дело? Убери копье, пес. (В бешенстве, дворцовой страже.) Обезоружить! Разве вы не видите, что покушаются на жизнь губернатора?

Латники из дворцовой стражи не подчиняются приказанию. Они глядят на адъютанта холодно и равнодушно, на все остальное они взирают так же

безучастно. Адьютант пробивается во дворец.

Архитектор. Это князя! Вчера ночью в столице собрались князя, настроенные против великого князя и его губернаторов. Господа, нам лучше унести ноги.

Архитекторы быстро уходят.

Певец.

О великих мира сего слепота!

Как бессмертные, шествуют важно они

По выям согбенным, полагаясь на силу

Нанятых кулаков, испытанную временем.

Но время - не вечность!

О смена времен! О надежда народа!

Из-под арки выходит губернатор, на нем кандалы, лицо его посерело, его

ведут два солдата, вооруженные до зубов.

Навсегда, господин! Изволь же не горбиться!

Из дворца твоего глядят на тебя враги!

Никаких тебе зодчих не нужно, нужен

могильщик.

Переедешь не в новый дворец, а в

продолговатую узкую яму.

Оглянись же напоследок, слепец!

Арестованный оглядывается.

Нравятся ли тебе владенья твои? Между

заутреней и обедом

Ты уходишь туда, откуда никто не вернулся.

Его уводят. Дворцовая стража присоединяется к солдатам. Слышно, как

горнист трубит тревогу. Шум за аркой.

Когда великого рушится дом,

Под обломками малые гибнут.

Кто счастья властителя не разделял,

Тот с ним нередко несчастье делит.

Коляска в пропасть летит и с собой

Взмысленных лошадей увлекает.

Из-под арки в панике выбегают слуги.

Слуги (наперебой). Корзины! Скорее все на третий двор!

- Запас на пять дней!

- Ее милость в обмороке.

- Надо ее вынести, нельзя ей здесь оставаться.

- А мы?

- Нас перережут как кур, это уж известно.

- Боже, что с нами будет?

- Говорят, в городе уже течет кровь.

- Глупости, ничего подобного, губернатора просто вежливо

попросили явиться на сборище князей, все уладят полюбовно,

я узнал из первых рук.

Оба врача также выбегают во двор.

Первый врач (пытаясь задержать второго). Нико Микадзе, ваш долг врача оказать помощь Нателле Абашвили.

Второй врач. Мой долг? Как бы не так! Это ваш долг.

Первый врач. Кто сегодня наблюдает за ребенком, Нико Микадзе, вы или я?

Второй врач. Неужели вы серьезно думаете, Миха Лоладзе, что из-за какого-то мальчишки я хотя бы на минуту задержусь в этом зачумленном доме?

Между ними завязывается драка. Слышны только возгласы: "Вы изменяете своему долгу!" и "Какой там долг!"

(Наконец ударом сшибает с ног первого.) А ну тебя. (Убегает.)

Слуги. У нас есть время до вечера, раньше солдаты не напьются.

- А может, они еще не взбунтовались?

- Дворцовая стража ускакала.

- Неужели никто не знает, что случилось?

Груше. Рыбак Мелива говорит, что в столице видели на небе комету с красным хвостом. Это к несчастью.

Слуги. Говорят, вчера в столице объявили, что персидская война проиграна.

- Князя восстали. Говорят, великий князь уже удрал. Всех его губернаторов казнят.

- Маленьких людей они не тронут. У меня брат - латник.

Входит солдат Симон Хахава. Он ищет в сутолоке Груше.

Адъютант (появляется в арке). Все на третий двор! Помогите уложить вещи!
(Прогоняет челядь.)

Симон (находит наконец Груше). Вот ты где, Груше. Что собираешься делать?

Груше. Ничего. На худой конец у меня в горах есть брат, а у брата хозяйство. А что с тобой будет?

Симон. А со мной ничего не будет. (Снова чинно.) Груше Вахнадзе, твой вопрос насчет моих планов радует мое сердце. Меня назначили сопровождать и охранять жену губернатора, Нателлу Абашвили.

Груше. Разве дворцовая стража не взбунтовалась?

Симон (серьезно). Взбунтовалась.

Груше. Не опасно ли сопровождать жену губернатора?

Симон. В Мцхети так говорят: разве для ножа опасно колоть?

Груше. Но ты же не нож, а человек, Симон Хахава. Какое тебе дело до этой женщины?

Симон. До нее мне нет никакого дела, но меня назначили, и я еду.

Груше. В таком случае господин солдат - недалекий человек: ни за что ни про что подвергает себя опасности.

Ее зовут из дворца.

Я спешу на третий двор, мне некогда.

Симон. Если некогда, то нам незачем спорить, для хорошего спора нужно время. Можно осведомиться, есть ли у барышни родители?

Груше. Нет. Только брат.

Симон. Поскольку времени у нас в обрез, второй вопрос будет такой: как барышня насчет здоровья?

Груше. Разве только иногда кольнет в правом плече, а вообще-то хватит сил на любую работу, покамест никто не жаловался.

Симон. Это уже известно. Если в пасхальное воскресенье кому-то нужно пойти за гусем, то посылают ее. Вопрос номер три: барышня терпелива или нет? Скажем так - нужны ей вишни среди зимы?

Груше. Не то чтобы нетерпелива, но если человек ни с того ни сего уходит на войну и потом от него нет известий, то это, конечно, плохо.

Симон. Известия будут.

Из дворца снова зовут Груше.

И наконец, главный вопрос...

Груше. Симон Хахава, так как я должна идти на третий двор и мне некогда, то я сразу отвечаю "да".

Симон (очень смущенно). Есть поговорка: "поспешность - это ветер на строительных лесах". Но есть и другая поговорка: "богатые не торопятся". Я родом из...

Груше. Из Цхалаури.

Симон. Барышня, значит, уже навела справки? Я здоров, заботиться мне не о ком, получаю в месяц десять пиастров, а если назначат казначеем, то и двадцать. Покорнейше прошу вашей руки

Груше. Симон Хахава, я согласна.

Симон (снимая с шеи цепочку с крестиком). Это крестик моей матери, Груше Вахнадзе, цепочка серебряная. Прошу ее носить.

Груше. Спасибо, Симон.

Симон (надевает на нее цепочку). Лучше будет, если барышня отправится на третий двор, а то как бы чего не вышло. Кроме того, мне нужно запречь лошадей, это ведь барышне ясно.

Груше. Да, Симон.

Они стоят в нерешительности.

Симон. Я только доставлю губернаторскую жену туда, где войска не перешли на сторону мятежников. Когда война кончится, я вернусь. Недели через две или три. Надеюсь, что моя невеста не будет скучать в мое отсутствие.

Груше.

Симон Хахава, я буду ждать тебя.

Иди спокойно на войну, солдат.

Кровавая война, жестокая война,

Не каждому дано прийти с войны домой.

Когда ты вернешься, я буду здесь,

Я буду ждать тебя под вязом под зеленым,

Я буду ждать тебя под голым, зимним вязом,

Я буду ждать, пока не явится последний.

И после того.

А когда ты придешь с войны,

Ты у двери не увидишь сапог,

И подушка будет рядом со мною пуста,

И никто целовать меня не будет.

Ах, когда ты придешь, ах, когда ты придешь,

Ты увидишь, что все как прежде.

Симон. Благодарю тебя, Груше Вахнадзе. И до свиданья! (Низко кланяется ей.)

Так же низко кланяется ему она. Потом она убегает, не оглядываясь. Из-под арки выходит адъютант.

Адъютант (грубо). Запрягай лошадей в большую повозку, шевелись, болван!

Симон Хахава вытягивается, затем уходит. Из-под арки, согнувшись под тяжестью огромных сундуков, выходят двое слуг. За ними, поддерживаемая

служанками, следует Нателла Абашвили. Позади - служанка с ребенком.

Жена губернатора. Никому опять до меня нет дела. Я совсем голову потеряла. Где Михаил? Как ты неловко его держишь! Сундуки на повозку! Известно ли что-нибудь о губернаторе, Гоги?

Адъютант (качает головой). Вы должны немедленно уехать.

Жена губернатора. Есть ли сведения из города?

Адъютант. Нет, покамест все спокойно, но нельзя терять ни минуты. Сундуки не поместятся на повозке. Выберите, что вам нужно. (Быстро уходит.)

Жена губернатора. Только самое необходимое! Живо откройте сундуки, я скажу, что захватить.

Слуги ставят сундуки на землю и открывают их.

(Указывая на парчовые платья.) Конечно, зеленое и вот это, с мехом! Где врачи? У меня опять разыгрывается ужасная мигрень, всегда начинается с висков. И вот это, с жемчужными пуговками...

Вбегает Груше.

Ты, я вижу, не торопишься. Сейчас же принеси грелки.

Груше убегает, затем возвращается с грелками.

(Молча, взглядом и жестами, дает ей одно приказание за другим.) Смотри не порви рукав.

Молодая служанка. Ваша милость, поглядите, с платьем ничего не случилось.

Жена губернатора. Потому что я тебя схватила за руку. Я уже давно за тобой слежу. Тебе только бы строить глазки адъютанту! Я тебя убью, сука. (Бьет ее.)

Адъютант (возвращается). Прошу вас, поторопитесь, Нателла Абашвили. В городе уже стреляют. (Уходит.)

Жена губернатора (отпускает молодую служанку). Господи! Неужели они нас тронут? За что? За что?

Все молчат.

(Начинает рыться в сундуках.) Найди парчовый жакет! Помоги ей! Что с Михаилом? Он спит?

Служанка с ребенком. Да, ваша милость.

Жена губернатора. Тогда положи его на минутку и принеси мне из спальни сафьяновые сапожки, они идут к зеленому.

Служанка кладет ребенка и убегает.

(Молодой служанке.) А ты что стоишь?

Молодая служанка убегает.

Стой, не то я велю тебя выпороть!

Пауза.

Как все это уложено - без любви, без понимания! За всем следи сама... В такие минуты как раз и видишь, какие у тебя слуги. Жрать вы мастера, а что такое благодарность, вам невдомек. Так и замечу себе на будущее.

Адъютант (очень взволнованный). Нателла, сию же минуту поезжайте. Судью верховного суда, Орбелиани, только что повесили ковровщики.

Жена губернатора. Как же так? Серебристое мне нужно взять с собой, оно стоило тысячу пиастров. И вот это, и все меха. А где темно-красное?

Адъютант (пытается оторвать ее от нарядов). В предместье начались беспорядки. Нам нужно сейчас же уехать. Где ребенок?

Жена губернатора (зовет служанку, исполняющую обязанности няньки). Маро! Приготовь ребенка! Куда ты делась?

Адъютант (уходя). Наверно, придется отказаться от коляски и ехать верхом.

Жена губернатора роется в платьях, бросает некоторые из них в ворох, который она намерена взять с собой, затем снова отбрасывает их. Слышен шум,

барабанный бой. На небе появляется зарево.

Жена губернатора (лихорадочно продолжает рыться). Не могу найти темно-красное. (Пожимая плечами, первой служанке.) Возьми весь ворох и уложи в коляску. А Маро почему не возвращается? Вы что, все сошли с ума? Так я и думала, оно в самом низу.

Адъютант (возвращается). Скорее, скорее!

Жена губернатора (второй служанке). Беги! Брось их прямо в повозку!

Адъютант. Мы едем верхом. Идемте, или я уезжаю один.

Жена губернатора. Маро! Возьми ребенка! (Второй служанке.) Поищи ее, Машо! Нет, сначала отнеси платье в повозку! Глупости, и не подумаю ехать верхом! (Оглядывается, видит зарево, ужасается.) Горит!

Адъютант уводит ее. Первая служанка, качая головой, несет за ней ворох

платьев. Из-под арки выходят слуги.

Повариха. По-моему, это горят восточные ворота.

Повар. Ушли. И повозку с едой оставили. Как бы нам теперь выбраться?

Конюх. Да, пока в этом доме жить нельзя. Сулико, я захвачу несколько одеял, мы сматываемся.

Маро (выходит из-под арки с сапожками). Ваша милость!

Толстая женщина. Ее уже нет.

Маро. А ребенок? (Бежит к ребенку, поднимает его.) Оставили его, вот звери. (Протягивает ребенка Груше.) Подержи-ка его минутку. (Лживо.) Я погляжу, где коляска. (Убегает вслед за женой губернатора.)

Груше. Что сделали с хозяином?

Конюх (проводит по шее ладонью). Чик-чик.

Толстая женщина (при виде этого жеста впадает в истерику). Боже мой, боже мой, боже мой! Наш господин Георгий Абашвили! Во время заутрени он был еще здоровехонек, и вот... Уведите меня отсюда! Мы все пропали, мы умрем без покаяния. Как наш господин Георгий Абашвили.

Третья служанка (утешая ее). Успокойтесь, Нина... Вас увезут отсюда. Вы никому не причинили зла.

Толстая женщина (в то время как ее уводят). О боже мой, боже мой, боже мой! Скорее, скорее, прочь отсюда, они идут сюда, они идут!

Третья служанка. Губернаторша так не горюет, как Нина. Даже оплакивать их мертвецов должны за них другие! (Взгляд ее падает на ребенка, которого все еще держит Груше.) Ребенок! Чего это он у тебя?

Груше. Его оставили.

Третья служанка. Она его бросила? Михаила, которого берегли от малейшего сквозняка?

Слуги собираются вокруг ребенка.

Груше. Он просыпается.

Конюх. Послушай, брось-ка его лучше. Не хотел бы я быть на месте того, кого застанут с ребенком. Я соберу вещи, а вы подождите. (Уходит во дворец.)

Повариха. Он прав. Уж когда они начнут, они вырезают друг друга целыми семьями. Уйду-ка я лучше.

Все уходят. Остаются только две женщины и Груше с ребенком на руках.

Третья служанка. Тебе же сказали - брось его!

Груше. Нянька попросила меня подержать.

Повариха. Так она и вернется. Эх ты, простота!

Третья служанка. Не ввязывайся ты в это дело.

Повариха. Он им еще нужнее, чем губернаторше. Он же наследник. Знаешь, Груше, душа у тебя добрая, но уж умной тебя не назовешь. Если бы ребенок был прокаженный, и то было бы лучше, вот что я тебе скажу. Смотри не попадись.

Конюх возвращается с узлами и раздает их женщинам. Все, кроме Груше, готовы отправиться в путь.

Груше (упрямо). Никакой он не прокаженный. У него человеческий взгляд.

Повариха. Вот и не гляди на него. Дура ты, на тебя все можно взвалить. Скажут тебе: сбегай за салатом, у тебя ноги длинные, ты давай бежать. Мы поедem на арбе, собирайся скорее, найдется и для тебя место. Господи Иисусе, наверно, уже вся улица горит.

Третья служанка. Ты что, еще не собралась? Слушай, ты, сейчас латники явятся сюда из казармы.

Обе женщины и конюх уходят.

Груше. Иду. (Кладет ребенка на землю, несколько мгновений смотрит на него, достает из оставленных, сундуков какую-то одежду и укрывает все еще спящего ребенка. Затем убегает во дворец за своими вещами).

Слышен конский топот и женские крики. Выходят жирный князь и несколько пьяных латников. Один из них несет на острие копья голову губернатора.

Жирный князь. Сюда, на самую середину.

Один из солдат становится на плечи другому, берет голову и смотрит, в каком месте арки ее прибить.

Это не середина, чуть-чуть правее, вот так. Уж если я что делаю, милейшие, то делаю как следует.

Солдат с помощью гвоздя и молотка прикрепляет голову за волосы к арке.

Сегодня утром, у церкви, я сказал Георгию Абашвили, что люблю ясное небо. Но, пожалуй, еще больше я люблю гром среди ясного неба, да-да. Жаль только, что они увезли мальчишку. Вот кто мне нужен. Ищите его по всей Грузии. Тысяча пиастров.

Покуда Груше, оглядываясь, осторожно приближается к арке, жирный князь с латниками уходит. Снова слышен конский топот. Груше, с узлом в руках, направляется в сторону церкви. Почти у самого входа в церковь она оборачивается, чтобы посмотреть, на месте ли ребенок. Певец начинает петь.

Груше стоит неподвижно.

Певец.

И вот, когда она стояла у последних ворот,
Она услышала - иль показалось ей,
Что мальчик говорит, не плачет, нет, а внятно
Ей говорит: "Останься, помоги".

И он сказал еще - он говорил, не плакал:
"Знай, женщина, кто не идет на зов беды,
Кто глух к мольбе, тот не услышит никогда
Ни ласкового голоса любви,
Ни щебета дрозда, ни радостного вздоха,
Каким приветствует усталый виноградарь
Вечерний благовест". Услышав эту речь...

Груше делает несколько шагов к ребенку и склоняется над ним.
Она вернулась, чтобы посмотреть в последний раз
На мальчика и только несколько мгновений
Побыть с ним рядом - лишь пока за ним
Мать не придет иль кто другой.

Она садится рядом с ребенком и опирается о сундук.
Лишь на минутку. Ведь город был уже охвачен
Бедой и дымом.

Свет постепенно меркнет, словно наступили вечер и ночь. Груше идет во дворец,
возвращается оттуда с фонарем и молоком и начинает кормить ребенка.

Певец (громко).

Страшен соблазн сотворить добро!

Груше, явно бодрствуя, сидит с ребенком всю ночь напролет. То она зажигает
фонарик, чтобы взглянуть на ребенка, то укутывает его поплотнее парчовым покрывалом.
Она то и дело прислушивается и оглядывается, не идет ли

кто-нибудь.

Долго сидела она с ребенком,

Вечер настал, настала ночь,
Рассвет наступил. Да, слишком долго
Сидела она и слишком долго
Глядела на маленькие кулачки,
На маленький лобик. И утром, не в силах
Соблазн превозмочь, она поднялась,
Со вздохом над спящим ребенком склонилась,
Взяла его на руки и понесла.
Груше делает все в точности так, как говорит певец.
Она взяла его, как добычу,
Она унесла его, как воровка.

III

Бегство в северные горы
Певец.
Когда Груше Вахнадзе покинула город,
Она пошла по Военно-Грузинской дороге.
На север шла она, песню пела
И по пути молоко покупала. Музыканты.
Как от убийц уйти человеку,
От злых ищеек, от псов кровавых?
Она брела в безлюдные горы,
Брела по Военно-Грузинской дороге,
Пела песню, молоко покупала.
Груше несет ребенка в заплечном мешке. В одной руке у нее узелок, в другой
посох.
Груше (поет).

Четыре генерала

В Иран ушли.

Один из них не воевал,

Второй никак не побеждал,

У третьего не шли солдаты в бой,

Четвертый рад был повернуть домой.

Четыре генерала

Ни с чем пришли.

Сосо Робакидзе

В Иран ушел.

Он воевал без дураков,

Он быстро побеждал врагов,

Рвались его солдаты в бой,

И сам он не спешил домой!

Сосо Робакидзе

Вот это герой.

На пути Груше появляется крестьянская хижина.

(Ребенку.) Вот и полдень, пора людям есть. Мы сейчас подождем на травке, пока наша Груше не раздобудет кружечку молочка. (Сажает ребенка на землю и стучит в дверь хижины.)

Дверь открывает старик крестьянин.

Не найдется ли у вас кружечки молочка и, может быть, кукурузной лепешки, дедушка?

Старик. Молока? У нас нет молока. Господа солдаты из города забрали наших коз. Если вам нужно молоко, пойдите к господам солдатам.

Груше. Но кружечка молока для ребенка у вас, может быть, найдется, дедушка?

Старик. "За спасибо", что ли?

Груше. Кто вам сказал "за спасибо"! (Достает кошелек.) Мы платим по-княжески. На что нам богатство, была бы спесь!

Старик, ворча, приносит молоко.

Сколько же за кружечку?

Старик. Три пиастра. Молоко теперь дорогое.

Груше. Три пиастра? За эту каплю?

Старик молча захлопывает дверь перед ее носом.

Михаил, ты слышишь? Три пиастра! Это мы не можем себе позволить. (Возвращается к ребенку, садится и дает ему грудь.) Попробуем сначала вот так. Соси и думай о трех пиастрах! Грудь пустая, но тебе кажется, что ты пьешь, и это уже не так плохо. (Качает головой, видя, что ребенок перестал сосать. Встает, идет к хижине и снова стучит в дверь.) Дедушка, отвори, мы заплатим! (Тихо.) Пропави ты пропадом.

Старик отворяет.

Я думала, ты возьмешь с нас полпиастра. Но ребенку нельзя без еды. Отдавай за пиастр, а?

Старик. Два пиастра.

Груше. Постой, не затворяй дверь. (Долго роется в кошельке.) Вот два пиастра. Неужели цены не упадут, у нас впереди еще длинный путь. Это же просто убийство.

Старик. Убейте солдат, если вам нужно молоко.

Груше (поит ребенка). Дорогое удовольствие. Пей, Михаил, это половина недельного жалованья. Они здесь думают, что мы заработали деньги задницей. Ну и обузу взяла я на себя, Михаил! (Рассматривая парчовое покрывало, в которое завернут ребенок.) Тысячное покрывало, и ни одного пиастра на молоко. (Смотрит в глубину сцены.) Вон там коляска с богатыми беженцами, надо идти туда.

У постоялого двора. Груше, в парчовом покрывале, подходит к двум знатным дамам. На руках у Груше ребенок.

Груше. Ах, сударыни, наверно, тоже решили здесь переночевать? Это просто ужасно, везде все переполнено, невозможно достать экипаж. Моему кучеру вздумалось повернуть обратно, и полверсты мне пришлось пешком идти. Босиком! Мои персидские туфли - вы же знаете, какие там каблучки! Но почему же никто к вам не выходит?

Пожилая дама. Хозяин заставляет себя ждать. С тех пор как в столице начались эти волнения, по всей стране забыли об учтивости.

Выходит хозяин, почтенный длиннородый старик. За ним идет работник.

Хозяин. Простите старика за то, что он заставил вас ждать, сударыни. Мы с внучонком смотрели сейчас, как цветет персиковое дерево, вон там, на косогоре, за кукурузным полем. Там у нас фруктовые деревья, несколько вишен. А дальше к западу (показывает) почва

каменистая. Туда крестьяне гонят овец. Посмотрели бы вы на персиковые деревья в цвету, какой изысканный розовый цвет.

Пожилая дама. Плодородные, оказывается, у вас места.

Хозяин. Благословенные. Ну а как там на юге, деревья уже зацвели? Вы ведь с юга, сударыни?

Молодая дама. Признаться, в дороге я не наблюдала за природой.

Хозяин (вежливо). Понимаю, пыль. По нашей дороге лучше ехать потихоньку, если незачем торопиться, разумеется.

Пожилая дама. Прикрой шалью шею, милая. По вечерам здесь ветер, по-видимому, довольно прохладен.

Хозяин. Это ветер с ледника Янга-Тау, сударыни.

Груше. Как бы мой сын не простудился.

Пожилая дама. Довольно просторный постоялый двор. Не остановиться ли нам здесь?

Хозяин. О, сударыням нужны комнаты? Увы, сударыни, постоялый двор переполнен и слуги разбежались. Я в отчаянии, но я никого больше не могу поместить, даже с рекомендательными письмами...

Молодая дама. Не можем же мы ночевать на улице.

Пожилая дама (сухо). Сколько это будет стоить?

Хозяин. Сударыня, вы понимаете, что сейчас, когда пристанища ищут столько беженцев, конечно, весьма уважаемых, но все же неугодных властям, я должен соблюдать осторожность. Поэтому...

Пожилая дама. Мой милый, мы не беженцы. Мы направляемся в горы, в свою летнюю резиденцию, только всего. Нам не пришло бы в голову притязать на ваше гостеприимство, если бы мы... так сильно в нем не нуждались.

Хозяин (кивает в знак согласия). В этом я не сомневаюсь. Я сомневаюсь только в том, что единственная свободная комнатка подойдет сударыням. Мне придется взять по шестьдесят пиастров с человека. Ведь сударыни путешествуют вместе?

Груше. В некотором роде - да. Мне тоже нужно пристанище.

Молодая дама. Шестьдесят пиастров! Это же убийство!

Хозяин (холодно). Сударыни, я никого не собираюсь убивать, поэтому... (Поворачивается, чтобы уйти.)

Пожилая дама. Зачем говорить о убийствах? Пойдемте. (Входит в дом, за ней работник.)

Молодая дама (в отчаянии). Сто восемьдесят пиастров за комнату! (Оборачиваясь в сторону Груше.) Какой ужас, с ребенком вместе! А если он будет кричать?

Хозяин. Комната стоит сто восемьдесят, на двоих или на троих - все равно.

Молодая дама (другим тоном). С другой стороны, невозможно же оставлять вас на улице, моя милая. Прошу вас, пойдете.

Все входят в дом. С противоположной стороны, из глубины сцены, появляются работник с поклажей, за ним пожилая дама, молодая дама и Груше с ребенком.

Сто восемьдесят пиастров! Ни разу я так не волновалась с тех пор, как привезли домой бедного Лухуми.

Пожилая дама. Зачем здесь говорить о Лухуми?

Молодая дама. Нас, собственно, четверо, ребенок ведь тоже будет в счет, не так ли? (Груше.) Не могли бы вы заплатить хотя бы половину?

Груше. Это невозможно. Видите ли, мне пришлось быстро собраться, а адъютант забыл дать мне достаточно денег в дорогу.

Пожилая дама. Шестьдесят-то пиастров по крайней мере у вас найдется?

Груше. Шестьдесят я заплачу.

Молодая дама. Где кровати?

Работник. Кроватей нет. Вот одеяла и мешки. Придется вам самим устраиваться. Можете еще радоваться, что вас не уложили в землю, как многих других. (Уходит.)

Молодая дама. Ты слышала? Я сейчас же пойду к хозяину. Пусть он высечет этого негодяя.

Пожилая дама. Как твоего мужа?

Молодая дама. Ты такая черствая. (Плачет.)

Пожилая дама. Как же нам устроить хоть какое-то подобие постели?

Груше. Об этом уж я позабочусь. (Сажает ребенка на пол.) В компании всегда лучше. А у вас есть коляска. (Подметая пол.) Так все неожиданно! Обычно перед обедом муж мне говорил: "Женушка, ты бы прилегла, не то снова разыграется твоя мигрень". (Тащит мешки, готовит постели.)

Дамы, следя за ее работой, переглядываются.

"Георгий, говорила я губернатору, как я могу прилечь, когда на обед приглашено шестьдесят гостей, а на слуг совершенно нельзя положиться, да и Михаил не станет без меня есть". (Михаилу.) Видишь, Михаил, все улаживается, что я тебе говорила? (Вдруг замечает, что дамы как-то странно глядят на нее и шушукуются.) Ну вот, по крайней мере не на голом полу. Я сложила одеяла вдвое.

Пожилая дама (повелительным тоном). Ловко вы стелите постели, милая, как я погляжу. Покажите-ка ваши руки!

Груше (испуганно). Зачем вам это нужно?

Молодая дама. Сейчас же покажите руки.

Груше показывает дамам свои руки.

(Торжествующе.) В ссадинах от работы! Эй, слуга!

Пожилая дама (подходит к двери, кричит). Эй, прислуга!

Молодая дама. Попалась, мошенница. Признавайся, что ты замышляла?

Груше (растерянно). Ничего я не замышляла. Я думала, что вы, может быть, подвезете меня. Пожалуйста, не шумите, я сама уйду.

Молодая дама (в то время как, пожилая продолжает звать прислугу). Уйдешь, конечно, да только под охраной. А пока побудь здесь. Ни с места, слышишь?

Груше. Да ведь я же хотела заплатить шестьдесят лиастров. Вот, пожалуйста. (Показывает кошелек.) Посмотрите сами, деньги у меня есть. Вот четыре десятки, а вот пятерка, нет, это тоже десятка, вот видите шестьдесят. Я только хотела, чтобы вы подвезли меня с ребенком. Вот вам вся правда.

Молодая дама. Ах, ты хотела пробраться к нам в коляску! Теперь ясно.

Груше. Ваша милость, я не скрываю, я человек низкого рода, прошу вас, не зовите полицию. Этот ребенок благородного звания, посмотрите на его белье, он такой же беженец, как и вы сами.

Молодая дама. Благородного звания, знаем мы эти истории. Отец его, наверно, князь, а?

Груше (в отчаянии; пожилой даме). Да не кричите же вы! Неужели у вас нет сердца?

Молодая дама (пожилой). Смотри, как бы она чего-нибудь тебе не сделала. Она опасна. На помощь! Убивают!

Работник (входит). В чем дело?

Пожилая дама. Эта особа пробралась сюда под видом знатной дамы. Наверно, она воровка.

Молодая дама. И опасная притом. Она хотела нас убить. Этим делом должна заняться полиция. Ах, боже мой, я уже чувствую, что у меня начинается мигрень.

Работник. Полиции сейчас здесь нет. (Груше.) Собирай свои пожитки, сестрица, и чтоб духу твоего здесь не было.

Груше (с гневом берет ребенка. Зло). Разве вы люди! Погодите, приколотят к стене ваши головы!

Работник (выталкивает ее). Помалкивай. Не то придет старик, а с ним шутки плохи.

Пожилая дама (молодой). Проверь, не успела ли она уже что-нибудь украсть.

В то время как обе дамы лихорадочно просматривают свои вещи, работник и

Груше с ребенком выходят из ворот.

Работник. Доверяйся - да оглядывайся, вот что я тебе скажу. Сначала присмотрись к человеку, а потом уж с ним связывайся.

Груше. Я думала, что с себе подобными они обойдутся по чести.

Работник. Держи карман шире! Уж ты мне поверь, нет ничего труднее, чем подражать ленивому и бесполезному человеку. Если они заподозрят тебя в том, что ты сама подтираешься или хоть раз в жизни работала своими руками кончено дело. Подожди-ка минутку, я вынесу тебе лепешку и яблочек.

Груше. Лучше не надо. Пойду, пока не явился хозяин. Если идти всю ночь, то уж, наверно, не догонят. (Отправляется в путь.)

Работник (тихо ей вдогонку). На первом перекрестке поверни направо.

Она исчезает.

Певец.

Когда Груше Вахнадзе на север спешила,

За нею спешили латники князя. Музыканты.

Как уйти босиком от латников конных,

От злых ищеек, от псов кровавых?

Они и ночью идут по следу.

Не знают усталости палачи.

Сон их недолог.

Два латника шагают по дороге.

Ефрейтор. Дубина ты, из тебя ничего не получится. А почему? Потому что ты не предан делу душой. Начальнику это видно по любой мелочи. Позавчера, когда я занялся этой толстухой, я приказал тебе поддержать мужа. Ты его держал, что верно, то верно, ты даже пнул его в брюхо. Но, спрашивается, разве ты делал это с радостью, как порядочный солдат, или так только, приличия ради? Я следил за тобой, дубина. У тебя же башка набита соломой; тебя никогда не повысят в чине.

Шагают некоторое время молча.

Ты думаешь, я не вижу, что ты норовишь все делать мне наперекор? Я запрещаю тебе хромать, а ты все-таки нарочно хромаешь, потому что я продал лошадей. А продал я их потому, что такой цены нигде мне за них не дадут. Хромаешь ты для того, чтобы показать, как тебе не хочется идти пешком. Я же вижу тебя насквозь. Имей в виду, это тебе не поможет, а только повредит. Песню!

Оба латника (поют).

На войну иду, душа томится:

Суждено ли к милой возвратиться?

Я друзьям оставил на поруки

Честь и сердце дорогой подруги.

Ефрейтор. Громче!

Оба латника (поют).

Может быть, рыдать придется милой

Над моею раннею могилой:

Вот вы, ноги, что ко мне бежали,

Вот вы, руки, что меня ласкали!

Идут некоторое время молча.

Ефрейтор. Хороший солдат предан делу душой и телом. За начальника он пойдет в огонь и в воду. Угасающим взглядом он еще успеваает поймать одобрителный кивок своего ефрейтора. Другой награды ему и не надо. Но тебе-то уж кивать никто не станет, а сдохнуть ты все-таки сдохнешь. Черт побери, хотел бы я знать, как я с таким подчиненным найду губернаторского сынка.

Они продолжают шагать.

Певец.

Когда Груше Вахнадзе дошла до реки Сирры,

Слишком устала она, и мальчик был слишком

тяжел.

Музыканты.

Розовый свет зари в кукурузных полях

Для того, кто не спал всю ночь, - лишь сырость

и холод.

Утренний шум во дворе, дымок над трубой

Беглому страшен. Кто тащит ребенка,

Чувствует тяжесть, одну только тяжесть.

Груше с ребенком стоит перед крестьянской усадьбой.

Груше. Опять ты мокрый, ты же знаешь, что у меня нет пеленок. Михаил, нам надо расстаться. От города мы уже далеко. Не может быть, чтобы за таким клопом, как ты, они пошли в такую даль. У этой крестьянки доброе лицо. А слышишь, как пахнет молоком? Ну что ж, прощай, Михаил, я забуду, как ты всю ночь колотил меня ножками в спину, чтобы я резвее бежала, а ты забудь, что я тебя плохо кормила. Я кормила тебя от чистого сердца. Я бы тебя за твой носик навсегда взяла, но нельзя. Я бы показала тебе козу и научила проситься на горшок, но мне нужно вернуться, потому что мой любимый тоже вот-вот вернется, и нехорошо будет, если он меня не найдет. Ты не можешь этого требовать, Михаил.

Толстая крестьянка несет в дом подойник с молоком. Груше ждет, чтобы та скрылась, а затем осторожно подходит к дому. Она крадется к двери и кладет ребенка у порога. Затем, спрятавшись за дерево, ждет до тех пор, пока

крестьянка не выходит из дому и не замечает ребенка.

Крестьянка. Иисусе Христе, что это такое? Эй, муж!

Крестьянин (выходя). Что случилось? Дай мне доесть суп.

Крестьянка (ребенку). Где твоя мать, у тебя нет матери? Это мальчик. Какое тонкое белье, видать, благородный ребенок. Положили под дверью - и баста. Ну и времена!

Крестьянин. Кто думает, что мы будем его кормить, тот ошибается. Отнесешь его в деревню священнику, и дело с концом.

Крестьянка. Что священник будет с ним делать? Ребенку нужна мать. Смотри, он просыпается. Может, возьмем его, а?

Крестьянин (кричит). Нет.

Крестьянка. Я бы устроила ему кроватку в углу возле кресла. Нужна только корзинка. А в тюле я его буду брать с собой. Смотри, как он смеется! Нет, у нас есть крыша над головой, и мы его возьмем, так и знай. (Уносит ребенка в дом.)

Крестьянин, протестуя, следует за ней. Груше выходит из-за дерева, смеется

и уходит в обратном направлении.

Певец.

Беглянка, почему ты весела?

Музыканты.

Да потому, что бедный мой малыш

Нашел родителей себе. И потому еще,

Что я теперь свободна. Певец.

А почему печальна? Музыканты.

Потому что я свободна и без ноши,

Словно меня обокрали,

Словно я обеднела.

Не успевает Груше пройти несколько шагов, как встречает обоих латников,
которые копьями преграждают ей путь.

Ефрейтор. Девица, перед тобой военная власть. Откуда идешь? Когда придешь? Не находишься ли ты в недозволенных сношениях с врагом? Где он расположился? Какие движения производит он за твоей спиной? Как холмы, как долины, хорошо ли укреплены чулки?

Груше (испугана). Очень хорошо укреплены, лучше вам отступить.

Ефрейтор. Я всегда иду на попятный, можешь на меня положиться. Почему ты так глядишь на копьё? "Солдат в (боевых условиях никогда не выпускает копьё из рук" - это из устава, выучи наизусть, дубина. Итак, девица, куда держишь путь?

Груше. К своему жениху, господин солдат, его зовут Симон Хахава, он служит в дворцовой охране в Нуке. Если я ему напишу, он вам все кости переломает.

Ефрейтор. Симон Хахава, как же, я его знаю. Он дал мне ключ, чтобы я время от времени за тобой посматривал. Дубина, мы не вызываем симпатии. Придется сознаться, что у нас честные намерения. Девица, за моими шутками скрывается серьезная натура, и я говорю тебе официально: мне нужен от тебя ребенок.

Груше слабо вскрикивает.

Она нас поняла, дубина. Приятный испуг, не правда ли? "Ах, я только выну пирог из печи, господин офицер. Ах, я только сменю рваную рубашку, господин полковник!" Шутки в сторону и копьё в сторону. Девица, мы ищем в этой местности одного ребенка. Ты не слыхала, не появлялся здесь ребенок из города, благородный, в тонком белье?

Груше. Нет, ничего не слыхала.

Певец.

Милая, беги! Перед тобой убийцы!

Беззащитная, помоги беззащитному! И она

бежит.

Груше внезапно поворачивается и в паническом ужасе бежит назад. Латники переглядываются и, чертыхаясь, устремляются вдогонку.

Музыканты.

Да, и в скверное время

Есть хорошие люди.

Дом крестьян, приютивших ребенка. Толстая хозяйка склонилась над корзинкой. В дом врывается Груше.

Груше. Сейчас же спрячь его. Сюда идут латники! Это я положила его перед дверью, но он не мой, у него родители благородного звания.

Крестьянка. Кто сюда идет, какие латники?

Груше. Не теряй времени на расспросы. Латники, которые его ищут.

Крестьянка. В моем доме им нечего искать. Но с тобой, кажется, нам придется поговорить.

Груше. Сними с него тонкие пеленки, они нас выдадут.

Крестьянка. Далась тебе эти пеленки. В этом доме хозяйка я. Вот еще новая доука. Скажи лучше, зачем ты его подкинула? Это же грех.

Груше (выглядывает на дорогу). Сейчас они выйдут из-за деревьев. Не надо было мне бежать, это их всполошило. Что же теперь делать?

Крестьянка (также выглядывает в окно и вдруг пугается). Боже ты мой, латники!

Груше. Они ищут ребенка.

Крестьянка. А если они войдут сюда?

Груше. Не отдавай им его. Скажи, что это твой ребенок.

Крестьянка. Ладно.

Груше. Они проткнут его копьем, если ты отдашь его им.

Крестьянка. А если они потребуют? У меня вся выручка за урожай в доме.

Груше. Если ты отдашь им его, они проткнут его копьём, здесь же, у тебя в комнате. Скажи, что это твой ребенок.

Крестьянка. Ладно. А если они не поверят?

Груше. Поверят, если скажешь твердо.

Крестьянка. Они сожгут дом, у нас не будет крыши над головой.

Груше. Потому и говори, что он твой. Его зовут Михаил. Нет, этого мне не нужно было тебе говорить.

Крестьянка утвердительно кивает.

Не кивай так головой. И не дрожи, а то они заметят.

Крестьянка. Ладно.

Груше. Все "ладно" да "ладно", хватит уж, не могу больше слышать. (Трясет ее.) А у тебя своих нет?

Крестьянка (бормочет). На войне.

Груше. Тогда, может, он и сам теперь латник. Так что же, он должен протыкать копьём детей? Уж ты бы его сразу посадила на место. "Перестань размахивать копьём в моем доме, не для того я тебя растила. Вымой шею, прежде чем говорить с матерью".

Крестьянка. Это верно, у меня бы он не посмел.

Груше. Обещай, что выдашь ребенка за своего.

Крестьянка. Ладно.

Груше. Вот они идут.

Стук в дверь. Женщины не отвечают. Входят латники. Крестьянка низко кланяется.

Ефрейтор. Вот она. Что я тебе говорил? У меня нюх хороший, я сразу чую, что к чему. У меня к тебе вопрос, девица. Почему ты от меня убежала? Что мне, по-твоему, было от тебя нужно? Готов побиться об заклад, у тебя были нечистые мысли. Признавайся!

Груше (в то время как крестьянка непрерывно кланяется). Я вспомнила, что оставила молоко на огне.

Ефрейтор. А я думал, тебе показалось, что я посмотрел на тебя нечистым взглядом. Как будто у меня какие-то намерения на твой счет. Такой плотский взгляд, понимаешь?

Груше. Я этого не заменила.

Ефрейтор. Но ведь могло же так быть, правда? Это ты должна признать. Ведь мог же я оказаться свиньей. Я с тобой говорю откровенно, кое-что мне могло бы взбрести на ум, если бы мы были наедине. (Крестьянке.) У тебя нет дел во дворе? Скажем, покормить кур?

Крестьянка (внезапно падает на колени). Господин солдат, я ничего не знала. Не жгите, оставьте мне крышу над головой!

Ефрейтор. О чем ты говоришь?

Крестьянка. Я ни при чем, господин солдат. Она положила его перед дверью, клянусь.

Ефрейтор (замечает ребенка, свистит). А, да там что-то такое лежит в корзинке. Дубина, я уже чую тысячу пиастров. Уведи старуху и поддержи ее, придется мне, видимо, снять допрос.

Крестьянка беспрекословно выходит в сопровождении латника.

Так вот, значит, ребенок, которого я от тебя добивался. (Подходит к корзинке.)

Груше. Господин офицер, это мой ребенок, это не тот, которого вы ищете.

Ефрейтор. Надо взглянуть. (Склоняется над корзинкой.)

Груше (в отчаянии озирается). Он мой, он мой!

Ефрейтор. Тонкие пеленочки.

Груше бросается к ефрейтору, чтобы оттащить его от корзинки. Он отшвыривает девушку и снова склоняется над ребенком. Груше в отчаянии озирается, взгляд ее падает на большое полено, она хватается полено, заносит сзади над ефрейтором и ударяет его по голове. Ефрейтор падает. Груше быстро хватается

ребенка и убегает.

Певец.

И, убегая от латников,

После двадцатидвухдневного странствия

У подножия ледника Янга-Тау

Груше Вахнадзе усыновила ребенка,

Музыканты.

Беспомощная беспомощного усыновила.

Груше сидит на корточках у полузамерзшего ручья, черпает горстью воду для

ребенка.

Груше.

Не дают мне от тебя

Люди отступиться.

Я с тобою, мальчик мой,

И тебе придется мной

Удовлетвориться.

Шла я слишком нелегко,

Слишком трудно было

Добывать мне молоко,

Чтоб тебя, сынок,

Я не полюбила.

Брошу тонкое белье,

Заверну в лохмотья.

Ледниковую водой

Окрещу, умою.

(Что поделать, милый.)

(Сняв с ребенка дорогую одежду, заворачивает его
в тряпье.)

Певец.

Когда Груше Вахнадзе, убегая от латников,

Подошла к мостику, что ведет к деревням

восточного склона,

Она спела песню о шаткой опоре,

Она поставила две жизни на карту.

Ветер. В сумерках над ущельем вырисовывается хрупкий мостик. Он повис наклонно, так как один из канатов оборвался. Торговцы, двое мужчин и одна женщина, в

нерешительности стоят перед мостиком. Появляется Груше с

ребенком. Один из мужчин пытается достать шестом упавший конец каната.

Первый торговец. Не спеши, девушка, все равно на ту сторону ходу нет.

Груше. Мы с малышом должны переправиться на ту сторону, к моему брату.

Женщина. "Должны"! Что значит "должны"! Я тоже должна быть там, я должна купить там у одной женщины два ковра. А она их должна продать, потому что ее муж должен был умереть. Вот как, милая. Но разве я могу сделать то, что должна, и разве она может? Луарсаб уже два часа никак не достанет канат. А если он его выловит, спрашивается, как его укрепить?

Первый торговец (прислушивается). Тише, я слышу какие-то голоса.

Груше (громко). Мостик не такой уж гнилой. Пожалуй, я попробую пройти.

Женщина. Если бы за мной гнался сам черт, и то бы я на это не решилась. Это же самоубийство.

Первый торговец (кричит). Э-гей!

Груше. Не кричи! (Женщине.) Скажи ему, чтоб он не кричал.

Первый торговец. Но ведь внизу кричат. Может быть, кто-то сбился с дороги внизу.

Женщина. А почему бы ему не кричать? У тебя что-то неладно? Они гонятся за тобой?

Груше. Так и быть, скажу правду. За мной гонятся латники. Одного латника я ударила.

Второй торговец. Уберите товар!

Женщина прячет мешок за камень.

Первый торговец. Что же ты сразу не сказала? (Остальным.) Если они до нее доберутся, они сделают из нее фарш.

Груше. Уйдите с дороги, я пройду на ту сторону.

Второй торговец. Не пройдешь, глубина пропасти две тысячи футов.

Первый торговец. Даже если бы мы достали канат, все равно не было бы смысла идти. Мы бы держали канат руками, но ведь латники сумели бы пройти точно так же.

Груше. Отойдите!

Голоса латников (доносятся издали). Туда, наверх!

Женщина. Они уже близко. Но ребенка нельзя брать с собой. Мостик почти наверняка рухнет. Посмотри-ка вниз.

Груше смотрит в пропасть. Снизу снова доносятся голоса латников.

Второй торговец. Две тысячи футов. Груше. Эти люди еще страшнее. Первый торговец. Нельзя этого делать с ребенком. Рискуй своей жизнью, раз уж они гонятся за тобой, а ребенком не рискуй!

Второй торговец. К тому же с ребенком она тяжелее.

Женщина. Может, правда, ей лучше пойти. Давай мне ребенка, я его спрячу, ты пойдешь одна.

Груше. Нет, не дам. Мы не расстанемся. (Ребенку.) Вместе идти, вместе висеть.

Обрыв глубокий, сын,

Мосток гнилой.

Но выбирать наш путь

Не нам с тобой.

Тебе идти путем,

Что я пойду.

А хлеб тебе есть тот,

Что я найду.

Из четырех кусков

Получишь три.

А велики ль они,

Ты не смотри.

Рискну.

Женщина. Это значит искушать судьбу.

Слышны голоса снизу.

Груше. Прошу вас, выбросьте шест, не то они достанут канат и пойдут за мной.

Она становится на ветхий мостик. Кажется, что мостик вот-вот обрушится, и женщина вскрикивает. Но Груше продолжает идти и переходит на противоположную

сторону ущелья.

Первый торговец. Она уже там.

Женщина (стояла на коленях и молилась; теперь у нее злой голос). Все-таки она совершила грех.

Появляются латники. У ефрейтора повязка на голове.

Ефрейтор. Не видали ли вы тут особу с ребенком?

Первый торговец (второй в это время бросает шест в пропасть). Видали. Она уже там. А вам не пройти по мостику.

Ефрейтор. Дубина, ты за это поплатишься.

Груше на той стороне. Она со смехом показывает латникам ребенка и идет дальше. Мостик остается позади. Ветер.

Груше (оборачиваясь к Михаилу). Ветра не бойся, ему тоже не сладко. Знай толкай тучи да мерзни сам больше всех.

Падают хлопья снега.

И снег, Михаил, это тоже не самое страшное. Он укрывает маленькие сосенки, чтобы они не погибли зимой. А теперь я спою тебе песенку, послушай. (Поет.)

Пусть мать твоя шлюха,

Отец твой злодей,

А ты - ты в почете

У честных людей.

Рожденный удавом

Накормит ягненка,

И тигры смиреют

При виде ребенка.

IV

В северных горах

Певец.

Семь дней по дорогам брела сестра,

Через ледник, по крутым откосам.

Когда я к брату приду, мечтала она,

Брат встанет и бросится мне на шею.

Он скажет: "Ну наконец, сестра,
Я давно тебя жду. Вот моя супруга,
А вот и хозяйство, ее приданое.
Одиннадцать лошадей и тридцать одна корова.
Садись же с ребенком за стол и ешь".
Дом брата стоял в прекрасной долине.
Сестра пришла больная от странствий.
Брат поднялся из-за стола.

Упитанная крестьянская чета только что села за стол. Лаврентий Вахнадзе уже подвязал салфетку, как вдруг, опираясь на руку работника, очень бледная,

входит Груше с ребенком.

Лаврентий. Откуда ты, Груше?

Груше (слабым голосом). Я прошла через ледник Янга-Тау, Лаврентий.

Работник. Я нашел ее у сеновала. У нее ребенок.

Невестка. Поди почисти буланого.

Работник уходит.

Лаврентий. Это моя жена, Анико.

Невестка. А мы думали, что ты служишь в Нуке.

Груше (едва стоит на ногах). Да, я была там.

Невестка. Разве это была плохая служба? Мы слышали, что хорошая.

Груше. Губернатора убили.

Лаврентий. Да, нам говорили, что там беспорядки. Твоя тетушка рассказывала, помнишь, Анико?

Невестка. У нас здесь все спокойно. У горожан всегда что-нибудь приключается. (Кричит, подойдя к двери.) Сосо, Сосо, подожди вынимать лепешки из печи, слышишь? Куда ты пропал? (Выходит.)

Лаврентий (тихо, быстро). У ребенка есть отец?

Груше качает головой.

Так я и думал. Нужно что-то придумать. Она очень благочестива.

Невестка (возвращаясь). Ах эти работники! (Груше.) У тебя ребенок?

Груше. Это мой ребенок. (Падает.)

Лаврентий ее поднимает.

Невестка. Силы небесные, она чем-то больна. Что нам делать?

Лаврентий хочет усадить Груше на скамью возле очага. Анико в ужасе делает ему знаки, указывая на мешок у стены.

Лаврентий (усаживая Груше у стены). Садись, садись. Это просто от слабости.

Невестка. Если только это не скарлатина!

Лаврентий. Тогда была бы сыпь. Это слабость. Не беспокойся, Анико. (Груше.) Когда сидишь, лучше, правда?

Невестка. Ребенок твой?

Груше. Мой.

Лаврентий. Она идет к мужу.

Невестка. Так-так. Твое мясо остынет.

Лаврентий садится за стол и принимается за еду.

Тебе нельзя есть холодное, нельзя, чтобы жир остывал. У тебя слабый желудок, ты это знаешь. (Груше.) Если твой муж не в городе, то где же он?

Лаврентий. Она говорит, что муж ее живет по ту сторону горы.

Невестка. Вот как, по ту сторону. (Садится сама за стол.)

Груше. Хорошо бы мне прилечь где-нибудь, Лаврентий.

Невестка (продолжает допрос). Если это чахотка, мы все заболеем. Есть у твоего мужа хозяйство?

Груше. Он солдат.

Лаврентий. Но от отца ему досталось небольшое хозяйство.

Невестка. А разве он не на войне? Почему он не на войне?

Груше (с трудом). Да, он на войне.

Невестка. Почему же ты идешь в деревню?

Лаврентий. Когда кончится война, он тоже вернется в деревню.

Невестка. А ты уже сейчас туда идешь?

Лаврентий. Чтобы ждать его там.

Невестка (пронзительно кричит). Сосо! Лепешки!

Груше (бормочет в бреду). Хозяйство. Солдат. Ждать. Садись. Ешь.

Невестка. Это скарлатина.

Груше (вскакивает). Да, у него хозяйство.

Лаврентий. По-моему, Анико, это слабость. Не взглянешь ли ты, как там лепешки, милая?

Невестка. Когда же он вернется? Ведь война, говорят, только началась. (Переваливаясь с боку на бок, идет к двери.) Сосо, где ты, Сосо! (Выходит.)

Лаврентий (быстро встает, подходит к Груше). Сейчас мы тебя уложим в кладовке. Она добрая душа, но только после еды.

Груше (протягивает ему ребенка). Возьми!

Лаврентий (берет его, опасливо оглядываясь). Но долго вам здесь нельзя оставаться. Знаешь, она очень благочестива.

Груше падает, но брат вовремя поддерживает ее.

Певец.

Сестра была очень больна.

Трусливому брату пришлось ее приютить.

Осень прошла, наступила зима.

Зима тянулась долго.

Зима тянулась недолго.

Не узнали бы люди,

Не кусались бы крысы,

Не наступала б весна.

Груше в кладовке, у ткацкого станка. Она и сидящий на полу ребенок укутаны

одеялами.

Груше (ткет и поет).

Возлюбленный уходил в поход.

Вослед ему невеста бежала,

Моля и рыдая, рыдая и поучая:

Любимый мой, любимый мой,

Если ты на войну идешь,

Если будешь с врагами драться,

Не шагай впереди войны,

Не шагай позади войны.

Впереди ее - красное пламя,

Позади ее - красный дым.

А держись ты всегда середины,

А держись ты всегда знаменосца.

Первые всегда погибают.

Последние всегда погибают.

Кто посредине - вернется домой.

Михаил, мы с тобой должны быть хитрыми. Если мы притаимся, как тараканы, невестка забудет, что мы у нее в доме. И мы проживем здесь, пока не растает снег. И, пожалуйста, не плачь от холода. Быть бедным да еще и мерзнуть - это уж слишком, так нас никто не станет любить.

Входит Лаврентий и садится рядом с сестрой.

Лаврентий. Что это вы закутались, как возницы? Может быть, в кладовке чересчур холодно?

Груше (быстро сбрасывает с себя одеяло). Совсем не холодно, Лаврентий.

Лаврентий. Если здесь холодно, тебе не следовало бы сидеть здесь с ребенком. Анико стала бы упрекать себя.

Пауза.

Надеюсь, поп не расспрашивал тебя насчет ребенка?

Груше. Он-то спрашивал, да я ничего не сказала.

Лаврентий. Это хорошо. Мне нужно поговорить с тобой об Анико. Это добрая душа, только она очень, очень чувствительный человек. Никто о нас ничего особенного еще не сказал, а она уже настороже. Как-то одна телятница пришла в церковь в рваном чулке. С тех пор моя дорогая Анико надевает, когда идет в церковь, две пары чулок. Просто невероятно. Сказывается старинная семья. (Прислушивается.) Ты уверена, что здесь нет крыс? Если здесь крысы, нельзя, чтобы вы здесь жили.

Слышен звук капли.

Что это тут каплет?

Груше. Наверно, клепки разошлись в бочке.

Лаврентий. Да, наверно, бочка. Вот ты уже и полгода здесь, правда? Кажется, я начал говорить об Анико? Так вот, я не сказал ей про латника, у нее слабое сердце. Поэтому она не знает, что ты не можешь искать места. Поэтому она вчера и ворчала.

Снова слышится звук капли.

Можешь себе представить, она беспокоится о твоём солдате. "А что, если он вернется и ее не застанет?" - говорит она и не может уснуть. До весны, говорю, он никак не может вернуться. Добрая душа.

Капли падают чаще.

Лаврентий. Когда, ты полагаешь, он вернется?

Груше молчит.

Не раньше весны, ты ведь тоже так думаешь?

Груше молчит.

Я вижу, ты сама не веришь, что он вернется.

Груше продолжает молчать.

Когда наступит весна, когда здесь и на перевалах растает снег, тебе нужно будет уйти отсюда. Тебя начнут опять искать, а люди уже поговаривают насчет внебрачного ребенка.

Громкая непрерывная капель.

Груше, это капает с крыши. Вот и весна пришла.

Груше. Да.

Лаврентий (горячо). Послушай, что мы сделаем. Тебе нужно какое-то пристанище, и раз у тебя есть ребенок (вздыхает), тебе нужен муж, чтобы не было разговоров. Так вот, я потихоньку навел справки. Я поговорил с одной женщиной, у нее есть сын. Сразу за горой.

Небольшое хозяйство. Она согласна.

Груше. Но я же не могу выйти замуж, я жду Симона Хахаву.

Лаврентий. Конечно. Это мы обдумали. Тебе нужен муж не в постели, а на бумаге. Как раз такого я и нашел. Сын женщины, с которой я договорился, сейчас при смерти. Ловко, правда? Он уже при последнем издыхании. И все будет так, как мы говорили: "муж за горой"! Ты к нему перебираешься, он испускает дух, и ты вдова. Каково?

Груше. Наверно, для Михаила мне нужна будет бумага с печатями.

Лаврентий. Печать - это самое главное. Без печати и персидский шах не мог бы утверждать, что он шах. И, кроме того, у тебя будет пристанище.

Груше. Сколько она за это просит?

Лаврентий. Четыреста пиастров.

Груше. Откуда у тебя деньги?

Лаврентий (виновато). Это деньги, которые жена выручила за молоко.

Груше. Там нас никто не будет знать. Я согласна.

Лаврентий (встает). Я сейчас же извещу эту женщину. (Быстро уходит.)

Груше. Михаил, сколько с тобой хлопот. Понесло меня к тебе, как яблоню к воробьям. Так уж устроен человек: увидит хлебную корку - нагнется и подымет, чтобы ничего не пропало. Лучше бы я в то пасхальное воскресенье поскорее ушла. Теперь я в дураках.

Певец.

Жених умирал, когда пришла невеста.

Мать жениха невесту у двери ждала,
торопила.

Ребенка невесты прятал сват, покуда шло
венчанье.

Комната, разделенная перегородкой. С одной стороны - кровать, на которой за пологом из прозрачной ткани неподвижно лежит очень больной человек. В другую часть комнаты вбегает свекровь, она тянет за руку Груше. Позади них

Лаврентий с ребенком.

Свекровь. Скорее, скорее, не то он еще до венчанья окочурится. (Лаврентию.) А что у нее уже есть ребенок, об этом речи не было.

Лаврентий. Какая разница! (Указывая в сторону умирающего.) В таком состоянии ему

все равно.

Свекровь. Ему-то да! Но я не переживу позора. Мы люди почтенные. (Плачет.) Незачем моему Давиду брать жену с ребенком.

Лаврентий. Хорошо, я прибавлю двести пиастров. Что хозяйство переходит к тебе, записано в договоре, но она имеет право жить здесь два года.

Свекровь (вытирая слезы). Только-только покрыть расходы на похороны. Хоть в работе-то пусть она мне поможет. Куда же делся монах? Не иначе как вылез в кухонное окошко. Как только соседи разнюхают, что Давид кончается, вся деревня нагрянет. Ах ты боже мой. Я пойду за монахом, но ребенка ему не показывайте.

Лаврентий. Об этом уж я позабочусь. Но почему, собственно, монах, а не священник?

Свекровь. А чем плох монах? Вот только не нужно было давать мне ему денег вперед, чтобы не сбежал в кабак. Понадеялась... (Убегает.)

Лаврентий. Решила выгадать на священнике, негодяйка. Наняла монаха по дешевке.

Груше. Если Симон Хахава все-таки придет, пошли его ко мне.

Лаврентий. Ладно. (Указывая в сторону больного.) Хочешь посмотреть на него?

Груше берет на руки Михаила и отрицательно качает головой.

Он даже не шевелится. Будем надеяться, что мы не опоздали.

Прислушиваются. Входят соседи, оглядываются, становятся у стен, бормочут молитвы. Входит свекровь с монахом.

Свекровь (неприятно удивленная, монаху). Вот, пожалуйста, явились. (Кланяется гостям.) Прошу вас немного подождать. Сейчас прибыла из города невеста сына, и они срочно обвенчаются. (Входит с монахом в каморку больного.) Так я и знала, что ты разболтаешь. (Груше.) Сейчас и обвенчаетесь. Вот он, документ. Я и брат невесты...

Лаврентий, поспешно взяв Михаила у Груше, пытается спрятаться среди гостей.

(Делает ему знак, чтобы он ушел подальше.) Я и брат невесты - свидетели.

Груше склоняет голову перед монахом. Они идут к постели больного. Мать откидывает полог. Монах гнусавит по-латыни венчальную молитву. Лаврентий, чтобы развлечь готового заплакать ребенка, хочет показать ему обряд бракосочетания, а свекровь непрестанно делает знаки Лаврентию, чтобы он передал ребенка кому-нибудь. Груше бросает взгляд на ребенка, и Лаврентий

машет ей ручкой Михаила.

Монах. Согласна ли ты быть верной, послушной и доброй женой своему мужу и не расставаться с ним до тех пор, пока вас не разлучит смерть?

Груше (глядя на ребенка). Да.

Монах (умирающему). Согласен ли ты быть хорошим, заботливым мужем своей жены до тех пор, пока вас не разлучит смерть?

Так как умирающий не отвечает, монах повторяет вопрос и нерешительно оглядывается.

Свекровь. Конечно же, он согласен. Разве ты не слышал, как он сказал "да"?

Монах. Отлично, бракосочетание состоялось. А как насчет последнего причастия?

Свекровь. Не выйдет. Хватит с тебя за венчанье. Теперь я должна позаботиться о гостях. (Лаврентию.) Мы как будто договорились, что семьсот?

Лаврентий. Шестьсот. (Отдает ей деньги.) Я не стану сидеть с гостями и знакомиться с кем попало. Ну прощай, Груше. Если моя овдовевшая сестра вздумает навестить меня, моя жена скажет ей "милости просим". Иначе я рассержусь. (Уходит.)

Гости равнодушно смотрят ему вслед.

Монах. Позвольте спросить, что это за ребенок?

Свекровь. Какой ребенок? Не вижу никакого ребенка. И ты не видишь, ясно? Я, может быть, тоже кое-что видела на заднем дворе кабака. Пошли.

Груше сажает ребенка на пол и успокаивает его. Затем они выходят из каморки умирающего.

(Представляет Груше соседям.) Это моя сноха. Она еще застала в живых дорогого Давида.

Одна из соседок. Он лежит уже, кажется, год? Когда забрали моего Василия, он, по-моему, был на проводах?

Другая соседка. Беда для хозяйства, когда кукуруза на корню, а хозяин в постели! Это его избавление, если только долго не промучается. Право.

Первая соседка (искренне). А мы-то, знаете ли, поначалу думали, что это он от военной службы прячется. А теперь он умирает, надо же!

Свекровь. Пожалуйста, садитесь и отведайте пирогов.

Свекровь делает знак Груше; обе женщины идут в каморку и поднимают с пола противни с пирогами. Гости, в том числе и монах, садятся на пол и заводят негромкий разговор. Монах протянул крестьянину бутылку, вынув ее из-под

сутаны.

Крестьянин. Ребенок, говорите? Как это могло получиться у Давида?

Соседка. Как бы то ни было, ей еще повезло, что успела выскочить замуж, если он так плох.

Свекровь. Теперь уж они всласть поболтают, да еще и поминальные пироги упишут. А не умрет он сегодня, так изволь печь завтра опять.

Груше. Я испеку.

Свекровь. Вчера вечером тут проезжали латники. Я вышла посмотреть. Возвращаюсь, а он лежит, как мертвец. Я сейчас, же послала за вами. Нет, теперь ждать недолго. (Прислушивается.)

Монах. Дорогие гости, свадебные и поминальные! В умилении стоим мы у смертного одра и брачного ложа. Она выходит замуж, а он уходит на тот свет. Жених уже омыт, а невеста наготове. Ибо на брачном ложе лежит последняя воля. А это настраивает на чувственный лад. Как несхожи, друзья мои, судьбы людей! Один умирает, дабы обрести крышу над головой, другой вступает в брак, чтобы плоть его стала прахом, из которого он сотворен. Аминь.

Свекровь (она все слышала). Это он мстит. Не надо было нанимать его по дешевке. Дешево - гнило. Дорогие, те хотя бы умеют вести себя. В Сурами есть один такой, его считают даже святым, но уж зато и берет он целое состояние. А если священник нанимается за полсотни, откуда у него достоинство? И благочестия-то у него только на полсотни, никак не больше. Когда я пришла за ним в кабак, он как раз держал речь. "Война кончилась! - кричит. Страшитесь мира!" Ну пойдём.

Груше (дает кусок пирога Михаилу). Ешь пирог и сиди спокойно, Михаил. Мы с тобой теперь почтенные люди.

Женщины выносят гостям противни с пирогами. Умирающий приподнимается, высовывает голову за полог и смотрит вслед Груше и матери. Затем он опять опускается на постель. Монах достает из-под сутаны две бутылки и протягивает их сидящему рядом с ним крестьянину. Входят три музыканта. Монах скалит зубы

и подмигивает им.

Свекровь (музыкантам). Зачем вы пришли сюда с этими инструментами?

Музыканты. Брат Виссарион (указывая на монаха) сказал нам, что здесь свадьба.

Свекровь. Что такое, ты привел на мою шею еще троих? Вы знаете, что здесь человек умирает?

Монах. Соблазнительная задача для артиста. Приглушенный свадебный марш и одновременно бравурный похоронный танец.

Свекровь. Все равно же вы будете есть, так хоть сыграйте по крайней мере.

Музыканты играют что-то неопределенное. Женщины подают им пироги.

Монах. Звуки трубы напоминают детский визг. А ты, барабан, ты тоже хочешь что-то

раструбить всему свету?

Сосед монаха. Ну а если бы новобрачной вздумалось лечь к нему в постель?

Монах. В постель или в гроб?

Сосед монаха (поет).

Чтобы слыть замужней как-никак,

Она со стариком вступила в брак,

И для утех при муже

Теперь ей служит брачный договор.

Свеча ничуть не хуже.

Свекровь выпроваживает пьяного соседа монаха. Музыка прекращается. Гости смущены. Пауза.

Гости (громко). Вы слышали, великий князь вернулся?

- Но князя же против него.

- О, говорят, персидский шах дал ему огромное войско, чтобы навести порядок в Грузии.

- Как же это так? Ведь персидский шах - враг великого князя!

- Но он и враг беспорядков.

- Так или иначе, а война кончилась. Наши солдаты уже возвращаются.

У Груше падает из рук противень.

Гостья (Груше). Тебе дурно? Это потому, что ты беспокоишься за дорогого Давида. Присядь и отдохни, милая.

Груше едва стоит на ногах.

Гости. Теперь все будет опять по-старому.

- Только налоги повысятся, нужно оплатить войну.

Груше (слабым голосом). Кто-то сказал, что солдаты уже вернулись?

Гость. Я сказал.

Груше. Не может быть.

Гость (одной из женщин). Покажи-ка свою шаль! Мы купили ее у солдата. Персидская.

Груше (глядит на шаль). Они вернулись.

Долгая пауза. Груше становится на колени, словно хочет собрать упавшие на пол пироги. Она достает из-за пазухи серебряный крестик, целует его и

начинает молиться.

Свекровь (видя, что гости молча глядят на Груше). Что с тобой? Почему ты не угощаешь наших гостей? Какое нам дело до всяких городских глупостей?

Груше припала лбом к полу и застыла в этой позе.

Гости (возобновляют разговор). У солдат можно сейчас купить персидские седла, некоторые меняют их на костыли.

- Начальство может выиграть войну только на одной стороне, солдаты проигрывают на обеих.

- Война кончилась, и слава богу. На военную службу больше не станут брать, и то хорошо.

Муж Груше приподнимается и прислушивается к разговору.

- Две недели хорошей погоды - вот что нам сейчас нужно.

- Яблоки в этом году не уродились.

Свекровь (угощает гостей). Кушайте пироги, угощайтесь. Есть еще. (С пустым противнем идет в каморку больного. Она не замечает, что сын поднялся, и наклоняется, чтобы взять с пола полный противень.)

Муж (хрипло). Сколько пирогов собираешься ты им скормить? Разве мы ходим на двор деньгами?

Свекровь резко оборачивается и с ужасом смотрит на сына. Тот вылезает из-за полога.

Они сказали, что война кончилась?

Первая гостья (по ту сторону перегородки, ласково Груше). Наверно, у вас кто-нибудь на войне?

Гость. Они возвращаются. Хорошая новость, правда?

Муж. Что ты глаза вытаращила? Где эта девка, которую ты навязала мне в жены?

Так как она не отвечает, он встает и нетвердыми шагами, в одной рубашке, проходит мимо матери за перегородку. Мать, с противнем в руках, идет за ним,

она вся дрожит.

Гости (замечают его). Господи, твоя воля! Давид!

Всеобщее замешательство, все встают, женщины теснятся к двери. Груше, все еще на коленях, оборачивается и глядит на мужа.

Муж. Пожрать на поминках вы всегда рады. Убирайтесь отсюда, пока я вас не отлупил.

Гости поспешно уходят.

(Мрачно, Груше.) Все твои расчеты - насмарку, а?

Она не отвечает, он поворачивается и берет пирог с противня, который держит свекровь.

Певец.

О неожиданность! У жены объявился муж!

Значит, днем с ребенком, а ночью с мужем.

А возлюбленный ночью и днем в пути.

Друг на друга супруги глядят. Каморка тесна.

Муж сидит голый в деревянной лохани. Свекровь подливает воды из кувшина. В каморке возле ребенка на корточках сидит Груше. Мальчик играет, он латает

циновки.

Муж. Это ее работа, а не твоя. Куда она опять делась?

Свекровь (кричит). Груше! Хозяин тебя зовет.

Груше (Михаилу). Вот еще две дырки, ну-ка, залатай их.

Муж (когда Груше входит к нему). Потри мне спину!

Груше. Неужели хозяин сам не справится?

Муж. "Неужели, неужели...". Какого черта, возьми мочалку! Ты мне жена или нет? (Свекрови.) Погорячее!

Свекровь. Сейчас сбегая за горячей водой.

Груше. Я сбегая.

Муж. Нет, ты останешься здесь.

Свекровь выходит.

Три сильнее! Не прикидывайся, ты уже повидала на своем веку голых мужиков. Ребенок не с неба упал.

Груше. Ребенок был зачат не в радости, если хозяин это имеет в виду.

Муж (ухмыляется, повернувшись к ней). По твоему виду не похоже.

Груше перестает тереть ему спину и отшатывается. Входит свекровь.

Ну и штучку же ты мне откопала. Не жена, а лягушка холодная.

Свекровь. Никакого нет у нее старания.

Муж. Лей, только потихоньку. Ай! Я же сказал - потихоньку. (Груше.) Видать, в городе у тебя что-то неладно, а то чего бы ты здесь торчала? Но мне до этого нет дела. Ты пришла в мой дом с незаконным ребенком - я на это тоже ничего не сказал. Только вот насчет тебя мое терпение скоро кончится. Нельзя идти против природы. (Свекрови.) Лей еще! (Груше.) Если твой солдат и вернется, все равно ты замужем.

Груше. Да.

Муж. Не вернется твой солдат, не надейся.

Груше. Нет.

Муж. Ты меня околпачила. Ты моя жена и ты мне не жена. Где ты лежишь, там все равно что пустое место, а другую туда не положишь. Когда я утром ухожу в поле, я встаю усталый и разбитый. Когда я вечером ложусь в постель, у меня нет сна ни в одном глазу. Бог дал тебе все, что полагается, а ты что делаешь? Не такие у меня урожаи, чтобы покупать себе женщин в городе, да еще и на дорогу потратишься. Жена полет полосу и спит с мужем - так сказано у нас в календаре. Ты слышишь?

Груше. Да. (Тихо.) Мне жаль, что я тебя обманула.

Муж. Ей жаль, скажите на милость! Лей еще!

Свекровь льет воду.

Ай!

Певец.

Когда она в ручье белье полоскала,

Лицо любимого ей виделось в воде ручья.

Но месяцы шли, и лицо становилось бледнее.

Когда она выпрямлялась, чтобы выжать белье,

Ей слышался голос любимого в шелесте клена.

Но месяцы шли, и голос делался глуше.

Все чаще увертки, все чаще вздохи, все больше

пота и слез.

Но месяцы шли, и дитя подрастало.

Склонившись над ручьем, Груше полощет белье. Поодаль - дети.

Груше. Можешь поиграть с ними, Михаил, но не давай им помыкать собой, потому что ты самый маленький.

Михаил утвердительно кивает и идет к детям. Начинается игра.

Самый старший мальчик. Давайте играть в казнь. (Толстому мальчику.) Ты князь, ты смейся. (Михаилу.) Ты будешь губернатор. (Девочке.) Ты будешь жена губернатора, ты плачь, когда ему будут отрубать голову. А я буду отрубать голову. (Показывает деревянный меч.) Вот этим. Сначала губернатора выводят во двор. Впереди идет князь, сзади - жена губернатора.

Дети образуют шествие. Впереди идет толстый мальчик и смеется. За ним идут

Михаил, самый старший мальчик и, наконец, девочка. Девочка плачет.

Михаил (останавливается). Хочу тоже отрубать.

Самый старший мальчик. Это буду делать я. Ты самый маленький. Губернатором быть легче всего. Стать на колени и подставить голову - это всякий сможет.

Михаил. Хочу тоже меч.

Самый старший мальчик. Меч мой. (Дает Михаилу пинок.)

Девочка (кричит Груше). Он не хочет с нами играть.

Груше (смеется). Недаром говорят, утенок хоть и маленький, а плавать умеет.

Самый старший мальчик. Хочешь, ты будешь князем, если ты умеешь смеяться.

Михаил отрицательно качает головой.

Толстый мальчик. Я лучше всех смеюсь. Дай ему разок отрубить голову, потом ты ему отрубишь, а потом я.

Старший мальчик неохотно отдает Михаилу деревянный меч и становится на колени. Толстый мальчик садится на землю, хлопает себя по ляжкам и смеется во все горло. Девочка очень громко плачет. Михаил размахивается и ударяет

мальчика мечом, но теряет равновесие и падает.

Самый старший мальчик. Ай! Я тебе покажу, как бить взаправду!

Михаил убегает, дети гонятся за ним. Груше смеется, наблюдая за детьми. Когда она опять поворачивается к ручью, она видит, что по ту сторону его

стоит солдат Симон Хахава. На нем рваный мундир.

Груше. Симон!

Симон. Это Груше Вахнадзе?

Груше. Симон!

Симон (чинно). Доброго здоровья, барышня.

Груше (радостно встает и низко кланяется). Доброго здоровья, господин солдат. Слава богу, что господин солдат вернулся жив и здоров.

Симон. Они нашли добычу полакомее, чем я, как сказал костлявый лец.

Груше. Храбрость, как сказал поваренок. Счастье, как сказал герой.

Симон. А как дела здесь? Холодна ли была зима, обходителен ли сосед?

Груше. Зима была довольно суровая, Симон, а сосед все такой же.

Симон. Разрешается задать вопрос? Когда известная особа полощет белье, она по-прежнему окунает ноги в воду?

Груше. Нет. Ведь у кустов есть глаза.

Симон. Барышня заговорила о солдатах. Так вот перед ней казначей.

Груше. Это, если не ошибаюсь, двадцать пиастров?

Симон. И квартира казенная.

Груше (на глазах ее выступают слезы). За казармой под финиковыми пальмами.

Симон. Именно там. Я вижу, некоторые уже осмотрелись.

Груше. Уже.

Симон. Некоторые, значит, ничего не забыли?

Груше качает головой.

Значит, дверь, как говорится, на запоре?

Груше молча глядит на него и снова качает головой.

Что такое? Не все в порядке?

Груше. Симон Хахава, я не могу вернуться в Нуку. Тут кое-что произошло.

Симон. Что произошло?

Груше. Так вышло, что я пришибла латника.

Симон. Значит, у Груше Вахнадзе были на то причины.

Груше. Симон Хахава, и зовут меня не так, как звали раньше.

Симон (после паузы). Не понимаю.

Груше. Когда женщина меняет фамилию, Симон? Сейчас я тебе объясню. Но поверь мне, нас ничего не разделяет, между нами все осталось как было.

Симон. Как же это так - все осталось как было, а все-таки по-другому?

Груше. Как объяснить тебе это сразу, да еще через ручей? Может быть, ты перейдешь по мостику на эту сторону?

Симон. Может быть, не нужно и переходить?

Груше. Очень нужно. Иди сюда, Симон, скорее!

Симон. Барышня хочет сказать, что солдат опоздал?

Груше глядит на него в полном отчаянии. По лицу ее катятся слезы. Симон уперся взглядом в деревяшку, которую поднял с земли и теперь строгают.

Певец.

Сколько сказано, сколько не сказано слов!

Солдат пришел, а откуда пришел - не сказал.

Послушайте, что он думал и чего не сказал:

Бой начался на рассвете и разгорелся к полудню,

Первый упал предо мной, второй позади меня,

третий - рядом со мной.

На первого я наступил, от второго - ушел,

третьего офицер прикончил.

Один мой брат погиб от железа, другой мой брат

задохнулся в дыму.

Из головы моей искры летели, мои руки мерзли

в перчатках, мои ноги стыли в чулках,

Я почки осины ел, я пил отвар из кленовых

листьев,

Я спал на голых камнях, в воде.

Симон. В траве я вижу шапку. Может быть, и малыш уже есть?

Груше. Да, Симон, есть, не буду скрывать, только ты не беспокойся, он не мой.

Симон. Что ж, если уж ветер, то во все щели. Не нужно больше ничего говорить.

Груше молчит, опустив голову.

Певец.

Она по нему тосковала, но дождаться его

не смогла,

Она нарушила клятву, но почему - не сказала.

Послушайте, что она думала и чего не сказала:

Когда ты на битву ушел, солдат,

На жестокую битву, кровавую битву,

Я встретила беспомощного ребенка,

Я не решилась мимо пройти.

Я не дала ему погибнуть,

Я подбирала сухие корки,

Я разрывалась, чтобы его спасти.

Пускай не своего, пускай чужого.

Кто-то ведь должен помочь.

Маленькому деревцу нужна вода,

Теленок погибнет, если пастух

Задремлет и крика его не услышит!

Груше. Симон Хахава, не уходи, это не мой ребенок! Не мой!

Слышны детские голоса.

Что случилось, дети?

Голоса. Пришли солдаты!

- Они забирают Михаила!

Груше стоит ошеломленная. К ней подходят два латника. Они ведут Михаила.

Латник. Ты Груше?

Она утвердительно кивает.

Это твой ребенок?

Груше. Да.

Симон уходит.

Симон!

Латник. Мы получили приказ судьи доставить в город ребенка, находящегося на твоём попечении. Есть подозрение, что это Михаил Абашвили, сын губернатора Георгия Абашвили и его жены Нателлы Абашвили. Вот бумага с печатями.

Латники уводят ребенка.

Груше (бежит за ними и кричит). Оставьте его, прошу вас, он мой!

Певец.

Латники взяли ребенка. Несчастливая в город

за ними пошла, забыв про опасность.

Родившая мать пожелала вернуть себе сына.

И в суд

Пришла воспитавшая мать. Кто будет судьей,

Плохим ли, хорошим ли? Кто матерей

рассудит?

Город горел. На судейском кресле сидел Аздак.

V

История судьи

Певец.

Теперь послушайте историю судьи:

Как стал он судьей, как решал дела, какой он

судья.

В то пасхальное воскресенье, когда свергли

великого князя,

А его губернатору Абашвили, отцу нашего

ребенка, отсекли голову.

Деревенский писарь Аздак нашел в лесочке

Одного беглеца и спрятал его в своем жилище.

Аздак, оборванный и подвыпивший, вводит в свою хижину старика беженца,

переодевшегося нищим.

Аздак. Не фыркай, ты не кобыла! И не пытайся бежать, как сопли в апреле, тогда ты наверняка попадешься полиции. Стой, говорят тебе. (Хватает старика, который продолжает шагать вперед, словно собирается пройти сквозь стену хижины.) Садись и лопай, вот тебе кусок сыра. (Достает из ящика из-под тряпья кусок сыра.)

Нищий набрасывается на еду.

Давно не жрал?

Старик мычит.

Зачем ты так бежал, идиот? Полицейский даже не взглянул бы на тебя.

Старик. Надо было.

Аздак. Сдрейфил?

Старик с недоумением глядит на него.

В штаны наложил? Испугался? Гм... Не чавкай, словно ты великий князь или свинья. Терпеть не могу, когда чавкают. Только высокородное дерьмо приходится выносить таким, каким его создал бог. А тебя - нет. Мне рассказывали об одном верховном судье, который на базаре портил воздух, когда люди ели. Он делал это только из чувства независимости. Я смотрю, как ты ешь, и мне приходят в голову страшные мысли. Почему ты молчишь? (Резко.) Покажи-ка свою руку! Ты что, не слышишь? Сейчас же покажи мне руку!

Старик, помедлив, протягивает ему руку.

Белая. Значит, ты не нищий? Надувательство, ходячий обман! А я прячу тебя как порядочного человека. Почему ты, собственно, бежишь от полиции, если ты помещик? Ты помещик, не отпирайся, я вижу это по твоему виноватому лицу! (Встает.) Вон!

Старик нерешительно смотрит на него.

Чего же ты ждешь, истязатель крестьян?

Старик. Меня ищут. Прошу полного внимания, делаю предложение.

Аздак. Что такое? Предложение? Это же верх бесстыдства! Он делает мне предложение! У человека льется кровь, а пиявка делает ему предложение! Вон отсюда, говорят тебе!

Старик. Понимаю. Позиция. Убеждения. Плачу сто тысяч пиастров за одну ночь. Идет?

Аздак. Что? Ты думаешь, меня можно купить? За сто тысяч пиастров? Какое-нибудь паршивое имение! Лучше скажи сто пятьдесят тысяч. Где они?

Старик. Конечно, не при мне. Пришлют, не сомневайтесь.

Аздак. Очень сомневаюсь. Вон!

Старик встает и ковыляет к двери. Снаружи доносится голос: "Аздак!"

Старик поворачивает, идет в противоположный угол, останавливается.

(Кричит.) Я занят. (Подходит к двери.) Ты опять рыщешь, Шалва?

Полицейский Шалва (с упреком). Ты опять поймал зайца, Аздак. Ты обещал мне, что это больше не повторится.

Аздак (строго). Не говори о вещах, которых ты не понимаешь, Шалва. Заяц - опасное и вредное животное, которое пожирает растения, особенно так называемые сорняки, и поэтому его нужно истреблять.

Полицейский Шалва. Аздак, зачем ты со мной так говоришь? Я потеряю место, если не приму против тебя мер. Я же знаю, что у тебя доброе сердце.

Аздак. У меня совсем не доброе сердце. Сколько раз тебе говорить, что я человек

умственный?

Полицейский Шалва (лукаво). Я знаю, Аздак. Ты человек сообразительный, ты же сам это говоришь. Вот я, неуч, и спрашиваю тебя: если у князя украли зайца, а я полицейский, что мне делать с виновным?

Аздак. Стыдись, Шалва, стыдись! Ты стоишь передо мной и задаешь мне вопрос, а вопрос - это самая каверзная вещь на свете. Представь себе, что ты женщина, ну, скажем, эта падшая тварь Маринэ, и что ты, то есть не ты, а Маринэ, показываешь мне ляжку и спрашиваешь: что мне делать с ляжкой, она кусается? Ты что ж думаешь, она не знает, что делает, когда задает такие вопросы? Отлично знает. Я поймал зайца, а ты ловишь человека. Но ты же знаешь, что по образу и подобию божию сотворен человек, а не заяц. Я зайцеед, а ты людоед, Шалва, и бог тебя покарает. Иди, Шалва, домой и покайся. Нет, погоди, здесь, кажется, кое-что для тебя найдется. (Глядит на старика, который дрожит от страха.) Да нет же, нет, нет ничего. Иди домой и кайся. (Захлопывает дверь у него перед носом.) Теперь ты удивляешься, да? Что я тебя не выдал. Я не смог бы выдать этой скотине даже клопа, мне это противно. Да не дрожи ты перед полицейскими. Такой старый и такой пугливый. Доедай сыр, но только делай это как бедняк, а то тебя все-таки схватят. Показать тебе, как это делает бедняк? (Положив руку старику на плечо, заставляет его сесть и сует ему кусок сыра.) Ящик - это стол. Положи локти на стол и охвати руками тарелку с сыром, как будто ее каждую секунду могут отнять у тебя, ведь ты же не знаешь, что тебя ждет. Нож держи так, словно это маленький серп. А на сыр гляди по печальнее, потому что он уже исчезает, как все прекрасное на белом свете. (Наблюдает за тем, как старик ест.) Они ищут тебя, это говорит в твою пользу, но кто мне докажет, что они в тебе не ошиблись? В Тифлисе как-то повесили одного помещика, турка. Он смог доказать, что своих крестьян он четвертовал, а не только рубил пополам, как обычно делают, и что оброку он выжимал из них вдвое больше других. Его усердие было вне всякого подозрения, и все-таки его повесили как преступника только потому, что он турок. А в этом уж он не виноват, это несправедливость. Он угодил на виселицу, как Понтий Пилат в Священное писание, ни за что ни про что. Словом, я тебе не верю.

Певец.

Аздак старику предоставил ночлег. Но когда

он узнал,

Что приютил самого великого князя, душителя

и душегуба,

Он устыдился и велел полицейскому тотчас

В Нуку себя отвести на суд и расправу.

Двор суда. Трое латников пьют вино. На одной из колонн висит человек в судейской мантии. Появляется Аздак. На нем кандалы, он тащит за собой

полицейского Шалву.

Аздак (громко). Я помог скрыться великому князю, архивору и архизлодею! Во имя справедливости требую, чтобы меня судили, да построже, да в публичном процессе!

Первый латник. Это что еще за птица?

Полицейский Шалва. Это наш писарь Аздак.

Аздак. Это я - презренный изменник, подлец и преступник! Доложи, болван, что я потребовал, чтобы ты заковал меня в кандалы и доставил в столицу за то, что я нечаянно укрыл у себя, как выяснилось потом из этого документа, великого князя, или, вернее, великого плута, мошенника и негодяя.

Латники разглядывают документ.

(Шалве.) Они не умеют читать. Смотрите, преступник сам себя обвиняет! Стражник, доложи, что ради выяснения дела я заставил тебя бежать за мной почти целую ночь.

Полицейский Шалва. Ты все время мне угрожал. Это нехорошо с твоей стороны, Аздак.

Аздак. Заткнись, Шалва, ты ничего не понимаешь. Наступило новое время, оно прогремит над тобой. Ты конченный человек, полицейских уничтожат начисто. Все преступления расследуют и вскроют. Так лучше уж самому явиться, все равно от народа никуда не уйдешь. Доложи, как я кричал, когда мы проходили по улице Сапожников. (Кричит, искоса поглядывая на латников.) "Братья, растерзайте меня на куски, я по неведению помог уйти главному мошеннику!" Я хотел сразу предупредить возможные обвинения.

Первый латник. А они что тебе ответили?

Полицейский Шалва. На улице Мясников его утешали, а на улице Сапожников люди за животы держались от смеха. Только и всего.

Аздак. Но здесь будет иначе, я знаю, вы железные люди. Братья, где судья? Меня нужно допросить.

Первый латник (указывая на повешенного). Вот он, судья. И не называй ты нас братьями, сегодня слух у нас чуткий.

Аздак. "Вот он, судья!" Такого ответа еще не слышали в Грузии. Горожане, где его превосходительство господин губернатор? (Показывает на виселицу.) Вот где его превосходительство, деревенщина. Где главный сборщик налогов? Где смотритель тюрьмы? Где патриарх? Где начальник полиции? Все, все, все здесь. Братья, этого я от вас и ждал.

Второй латник. Постой! Чего ты от нас ждал, чучело?

Аздак. Того же, что случилось в Персии, братья, того же, что случилось в Персии.

Второй латник. А что случилось в Персии?

Аздак. Сорок лет назад там всех повесили. Визирей, сборщиков налогов. Мой дедушка, замечательный человек, видел это своими глазами. В течение трех дней, повсеместно.

Второй латник. А кто же управлял, если визиря повесили?

Аздак. Один крестьянин.

Второй латник. А кто командовал войском?

Аздак. Солдат, один солдат.

Второй латник. А кто выплачивал жалованье?

Аздак. Красильщик, красильщик выплачивал жалованье.

Второй латник. А не ковровщик случайно?

Первый латник. А почему так вышло? Эй ты, перс!

Аздак. "Почему так вышло?" Разве нужна какая-то особая причина? Почему ты чешешься, братец? Война! Слишком уж долгая война! Никакой справедливости! Мой дедушка привез оттуда песенку. Сейчас мы с моим другом полицейским исполним ее. (Шалве.) Держи веревку покрепче, это как раз подходит к песне.

(Поэт. Шалва держит его за веревку.)

Почему у сынов наших нет больше крови, а

у дочек слез не осталось,

А кровь осталась лишь у телят на бойне?

А слезы льют нынче только плакучие ивы

над озером Урми?

Шаху новые земли нужны, и крестьянин платит

налоги.

Чтобы крышу мира завоевать, крыши срывают

с хижин.

К черту на кулички наших мужчин угоняют,

Чтобы начальство сидело дома за чашей.

Солдаты режут друг друга, полководцы салютуют

друг другу,

Вдовый грош проверяют на зуб - не фальшив ли.

А сабли тупятся.

Битва проиграна. Все равно за шлемы

заплачено.

Разве не так, разве не так?

Полицейский Шалва. Да-да-да-да-да. Именно так.

Аздак. Хотите послушать до конца?

Первый латник утвердительно кивает.

Второй латник (полицейскому). Он тебя уже научил этой песне?

Полицейский Шалва. Так точно. Только у меня голос неважный.

Второй латник. И то сказать. (Аздаку.) Продолжай.

Аздак. Во второй строфе говорится о мире. (Поет.)

Канцелярии переполнены, чиновники сидят чуть
ли не на улице,

Реки выходят из берегов и опустошают поля.

Кто не может сам расстегнуть штаны, тот
государством правит.

Кто считать не умеет до четырех, тот восемь
блюд пожирает.

Продавцы покупателей ищут, но кругом
голодающих видят.

Оборванные ткачи стоят у ткацких станков,

Разве не так, разве не так?

Полицейский Шалва. Да-да-да-да-да. Именно так.

Аздак.

Вот почему у сынов наших нет больше крови, а
у дочек слез не осталось,

А кровь осталась лишь у телят на бойне,

А слезы льют нынче только плакучие ивы

над озером Урми.

Первый латник (после паузы). Не собираешься ли ты спеть эту песню здесь, в городе?

Аздак. А что в ней неверно?

Первый латник. Видишь зарево?

Аздак оглядывается. На небе - зарево пожара.

Это в предместье. Когда князь Казбеки обезглавил сегодня утром губернатора Абашвили, наши ковровщики тоже заболели "персидской болезнью" и задали князю Казбеки вопрос, не ест ли он тоже слишком много блюд подряд. А сегодня утром они вздернули городского судью. Но мы оставили от них мокрое место, нам дали по сто пиастров за каждого ковровщика, понимаешь?

Аздак (после паузы). Понимаю. (Испуганно озирается, тихонько отходит в сторону, садится на землю и подпирает руками голову.)

Первый латник (третьему, после того как все они выпили еще по чаше). Смотри, что сейчас будет.

Первый и второй латники подходят к Аздаку, отрезая ему путь к бегству.

Полицейский Шалва. Господа, он не такой уж плохой человек. Разве что курицу иногда стащит или, может, зайца.

Второй латник (подойдя вплотную к Аздаку). Ты пришел сюда, чтобы половить рыбки в мутной воде, так, что ли?

Аздак (глядя на латника). Не знаю, зачем я сюда пришел!

Второй латник. Уж не заодно ли ты с ковровщиками?

Аздак отрицательно качает головой.

А как же насчет песенки?

Аздак. Это пел дед. Глупый, темный человек.

Второй латник. Верно. Ну а как же насчет красильщика, который выплачивал жалованье?

Аздак. Это было в Персии.

Первый латник. А кто обвинял себя в том, что не повесил своими руками великого князя?

Аздак. Разве я не сказал, что дал ему удрать? Полицейский Шалва. Я свидетель. Он дал ему удрать.

Латники тащат Аздака к виселице. Аздак кричит. Латники отпускают его и хохочут. Аздак тоже начинает смеяться и смеется громче всех. Затем его развязывают. Все пьют вино. Входит жирный князь Казбеки с молодым человеком.

Первый латник (Аздаку). Вот они, твои новые времена.

Всеобщий смех.

Жирный князь. Что тут смешного, друзья мои? Позвольте мне поговорить с вами серьезно. Вчера утром князя Грузии свергли развязавшее войну правительство великого князя и устранили его губернаторов. К сожалению, самому великому князю удалось бежать. В этот критический час наши ковровщики, недовольные всегда и всем, не преминули взбунтоваться и повесили нашего дорогого судью, всеми любимого Ило Орбелиани. Тс-тс-тс. Друзья мои, нам нужен теперь в Грузии мир, мир, мир. И справедливость! Вот мой дорогой племянник Бизерган Казбеки, очень способный человек. Пусть он будет судьей. То есть последнее слово за народом.

Первый латник. Это как понимать? Мы должны избрать судью, что ли?

Жирный князь. Совершенно верно. Народ выдвигает способного человека. Посоветуйтесь между собой, друзья.

Латники шушукаются.

Не беспокойся, лисенок, место за тобой. А как только мы сцапаем великого князя, мы перестанем лизать задницу черни.

Латники (между собой). Они наложили в штаны, потому что не смогли сцапать великого князя.

- Молодец этот писарь, он дал ему улизнуть.

- Они чувствуют себя не очень-то уверенно, поэтому и "друзья мои", и "за народом последнее слово".

- Теперь ему нужна даже справедливость в Грузии.

- Трескотня остается трескотней, и это тоже трескотня.

- Спросим-ка писаря, он на справедливости собаку съел.

- Эй ты, чучело, как по-твоему, годится племянничек в судьи?

Аздак. Это вы мне?

Первый латник (повторяет). Как по-твоему, годится племянник в судьи?

Аздак. Вы спрашиваете меня? Или я ослышался?

Второй латник. Тебя, тебя, почему не тебя? Ну-ка, блесни умом!

Аздак. Я вас понимаю, вы хотите проверить его как следует. Правильно? Так вот, нет ли у вас в запасе опытного преступника, чтобы кандидат показал на нем свое умение?

Третий латник. Дай подумать. У нас есть два врача этой коровы губернаторши. Возьмем их, а?

Аздак. Стоп, так не годится. Нельзя брать настоящих преступников, если судья не утвержден. Пусть он осел, но он должен быть утвержден, иначе нарушается законность. Законность - это очень чувствительная вещь, скажем, как селезенка. По селезенке нельзя бить кулаком, а то убьешь насмерть. Вы можете повесить обоих врачей, и законность нисколько не будет нарушена, если судья к этому непричастен. Законность любит, чтобы все было честь честью, такая уж она застенчивая. Скажем, судья вздумал упрятать в тюрьму женщину, укравшую для ребенка кукурузную лепешку. Но он не облачился в судейскую мантию или почесался во время вынесения приговора, обнажив больше трети своего тела - для этого, наверно, надо почесать бедро, - и, пожалуйста, приговор недействителен. Законность оскорблена! Скорее уж может вынести приговор судейская мантия или судейская шляпа, чем человек без этих принадлежностей. Законность бесследно исчезает, если за ней не следить. Нельзя выпить вино, которое вылакала собака. Оно исчезло бесследно. Вот так же и законность.

Первый латник. Что же ты предлагаешь, дотошный ты человек?

Аздак. Я буду обвиняемым. Уж я-то знаю, кого я буду изображать. (Шепчет им что-то на ухо.) Первый латник. Ты?

Все хохочут.

Жирный князь. Что вы решили?

Первый латник. Мы решили устроить испытание. Наш друг будет играть роль обвиняемого, а судейское кресло пусть займет кандидат на должность.

Жирный князь. Это несколько необычно. А впрочем, почему бы и нет? (Племяннику.) Пустая формальность, лисенок. Как там тебя учили, кто скорее приходит к цели - медленный или быстрый?

Племянник. Скорее всех - хитрый, дядя Арсен.

Племянник садится в кресло. Жирный князь становится у него за спиной.

Латники усаживаются на ступеньки.

Аздак (делает несколько шагов, явно подражая походке великого князя). Есть ли здесь кто-нибудь, кто меня знает? Я великий князь.

Жирный князь. Кто он?

Второй латник. Великий князь. Он в самом деле с ним знаком.

Жирный князь. Хорошо.

Первый латник. Начинайте процесс.

Аздак. Итак, меня обвиняют в том, что я развязал войну. Смешно. Я говорю - смешно, вам этого мало? Хорошо, тогда вот мои адвокаты, их, кажется, человек пятьсот. (Делает жест, как бы указывая на множество сопровождающих его адвокатов.) Прошу предоставить моим адвокатам все имеющиеся в зале места.

Латники смеются, жирный князь тоже смеется.

Племянник (латникам). Вы хотите, чтобы я разобрал это дело? Должен сказать, что нахожу его по меньшей мере необычным. Впрочем, все зависит от вкуса.

Первый латник. Валяй.

Жирный князь (улыбаясь). Покажи ему, лисенок.

Племянник. Отлично. Истец: народ Грузии, ответчик: великий князь. Что вы можете сказать, обвиняемый?

Аздак. Очень многое. Я, конечно, своими глазами читал, что война проиграна. Но в свое время я начал войну по совету патриотов, таких, как дядюшка Казбеки. Требую пригласить дядюшку Казбеки в свидетели.

Жирный князь (латникам, дружелюбно). Забавная штука, а?

Племянник. Просьба отклоняется. Вас обвиняют не в том, что вы объявили войну - это приходится делать всякому правителю, - а в том, что вы ее плохо вели.

Аздак. Глупости. Вообще ее не вел. Предоставил вести ее другим. Предоставил вести ее князьям. Они ее, конечно, угробили.

Племянник. Но вы по крайней мере не отрицаете, что осуществляли верховное командование?

Аздак. Ни в коем случае. Всегда осуществлял верховное командование. Едва родился, командовал нянькой. Так уж воспитан - чтобы справить нужду, хожу в уборную. Привык приказывать. Всегда приказывал чиновникам расхищать казну. Офицеры секут солдат только по моему приказу. Помещики спят с женами крестьян только по моему строжайшему приказу. Дядюшка Казбеки - вот он перед вами - отрастил себе брюхо только по моему приказу.

Латники (аплодируют). Ловко! Да здравствует великий князь!

Жирный князь. Ну-ка, лисенок, ответь ему. Я тебя поддержу.

Племянник. Я ему отвечу, и отвечу так, чтобы соблюсти достоинство суда. Обвиняемый, будьте добры уважать суд.

Аздак. Согласен. Приказываю вам продолжать допрос.

Племянник. Вы мне не приказывайте. Итак, вы утверждаете, что начать войну заставили вас князья. В таком случае, как можете вы утверждать, что князья угробили войну?

Аздак. Не давали достаточного количества рекрутов, растрачивали казенные деньги, поставляли больных лошадей, пьянствовали в публичных домах, когда шло наступление. Беру в свидетели дядюшку.

Племянник. Неужели вы будете отстаивать нелепое утверждение, что князя нашей страны не боролись?

Аздак. Нет. Князя боролись. Боролись за получение военных подрядов.

Жирный князь (вскакивает). Это уж слишком. Он говорит как настоящий ковровщик.

Аздак. В самом деле? Но я говорю только правду.

Жирный князь. Вздернуть! Вздернуть!

Первый латник. Спокойно. Продолжайте, ваша милость.

Племянник. Тише! Объявляю приговор. Смертная казнь через повешение. Вас вздернут. Вы проиграли войну. Приговор окончательный. Обжалованию не подлежит.

Жирный князь (исступленно). Увести! Увести! Увести!

Аздак. Молодой человек, я хочу дать вам один дельный совет. Будучи лицом официальным, не кричите. Кто воет как волк, не может занять вакансии сторожевого пса. Ясно?

Жирный князь. Вздернуть!

Аздак. Если люди заметят, что князя говорят тем же языком, что и великий князь, они еще чего доброго, вздернут и великого князя и князей. Как бы то ни было, подаю кассацию. Основание: война проиграна, но не для князей. Князя свою войну выиграли. Им заплатили три миллиона восемьсот шестьдесят три тысячи пиастров за лошадей, которых они не поставили.

Жирный князь. Вздернуть!

Аздак. Восемь миллионов двести сорок тысяч пиастров за довольствие рекрутов, которых они также не поставили.

Жирный князь. Вздернуть!

Аздак. Следовательно, они победили. Войну проиграла только Грузия, каковая на данном суде не присутствует.

Жирный князь. Я думаю, хватит, друзья. (Аздаку.) Уходи, висельник. (Латникам.) Я думаю, друзья, что теперь можно и утвердить нового судью.

Первый латник. Да, теперь можно. Снимите-ка с него мантию!

Один из латников подставляет спину, другой становится на нее и снимает

с повешенного судейскую мантию.

А теперь (племяннику) уходи отсюда, на всякое кресло своя задница. (Аздаку.) Иди-ка сюда и садись в судейское кресло.

Аздак медлит.

Садись, старина.

Латники ведут Аздака к креслу.

Судьи всегда были пропашими людьми, так пусть теперь пропаший человек станет судьей.

Аздаку накидывают на плечи судейскую мантию и надевают на голову плетенку от бутылки.

Поглядите, каков судья.

Певец.

Была гражданская война, правители дрожали.

Судьею латники назначили Аздака.

Два года отправлял он эту должность.

Певец и музыканты (вместе).

Ветры огненные дули,

Города в крови тонули,

И по всей стране творился кавардак,

Воры правили делами,

Святотатцы пели в храме,

А судьбою был известный нам Аздак.

На судейском кресле сидит Аздак и чистит яблоко. Полицейский Шалва подметает пол. Слева от судьи - инвалид в кресле-каталке, врач обвиняемый и хромой оборванец. Справа - молодой человек, обвиняемый в вымогательстве. На часах

стоит латник с полковым знаменем.

Аздак. Ввиду большого количества дел суд разбирает сегодня каждые два дела одновременно. Перед тем как начать, я должен сделать краткое сообщение: я беру. (Протягивает руку.)

Один лишь вымогатель достает деньги и дает их ему.

Аздак. Оставляю за собой право наложить на одну из сторон (смотрит на инвалида) взыскание за неуважение к суду. (Врачу.) Ты врач, а ты (инвалиду) его обвиняешь. Виновен ли врач в теперешнем твоём состоянии?

Инвалид. Конечно. Из-за него меня хватил удар.

Аздак. Значит, небрежность при выполнении профессиональных обязанностей.

Инвалид. Больше чем небрежность. Я дал ему в долг денег на учение. Он их до сих пор не вернул, а когда я узнал, что он лечит своих пациентов бесплатно, меня разбил паралич.

Аздак. Ещё бы. (Хромому.) А тебе что здесь нужно?

Хромой. Я и есть пациент, ваша милость.

Аздак. Он, верно, лечил тебе ногу?

Хромой. Лечил, да не ту. У меня ревматизм в левой ноге, а он оперировал правую. Вот я и хромаю теперь.

Аздак. Оперировал-то он безвозмездно?

Инвалид. Операцию, которая стоит пятьсот пиастров, он сделал безвозмездно! За спасибо! И я ещё платил за его учение! (Врачу.) Разве тебя учили в школе делать операции даром?

Врач. Ваша милость, действительно, гонорар принято брать перед операцией, потому что перед ней пациент платит гораздо охотнее, чем после нее. По-человечески это можно понять. В данном случае, приступая к операции, я полагал, что гонорар передан уже моему слуге. В этом я ошибся.

Инвалид. Он ошибся! Хороший врач не ошибается! Он все выяснит, прежде чем резать.

Аздак. Это верно. (Шалве.) Какое у нас второе дело, господин общественный обвинитель?

Полицейский Шалва (усердно подметая пол). Вымогательство.

Вымогатель. Высокий суд, я невиновен. Я только хотел узнать у этого помещика, действительно ли он изнасиловал свою племянницу. Он дружески разъяснил мне, что нет, и дал мне денег только для того, чтобы я смог нанять для своего дядюшки учителя музыки.

Аздак. Ага! (Врачу.) Ну а ты, врач, ты ведь не можешь сослаться на какие-либо смягчающие твою вину обстоятельства?

Врач. Разве только, что человеку свойственно ошибаться.

Аздак. Разве ты не знаешь, что хорошему врачу присуще чувство ответственности в денежных делах? Мне рассказывали об одном враче, который выжал из вывихнутого пальца своего пациента тысячу пиастров, установив, что причиной заболевания является нарушение

кровообращения. А плохой врач скорее всего проглядел бы такой случай. В другой раз этот искусный врач столь тщательно продумал курс лечения, что заурадное разлитие желчи превратилось в сплошной золотой дождь. Нет, ты не заслуживаешь прощения. Один зерноторговец послал своего сына в медицинскую школу, чтобы тот изучил торговое дело. Настолько хорошо поставлено там обучение. (Вымогателю.) Как фамилия помещика?

Полицейский Шалва. Он просил не называть его фамилии.

Аздак. В таком случае я выношу приговоры. Факт вымогательства суд считает доказанным, а ты (инвалиду) приговорен к штрафу в тысячу пиастров. Если у тебя будет второй удар, врач обязан бесплатно тебя лечить, а понадобится, то и ампутировать. (Хромому.) Тебе в возмещение убытков суд присуждает бутылку французской водки. (Вымогателю.) Ты должен передать половину своего гонорара общественному обвинителю, чтобы суд не огласил имени помещика. Кроме того, суд советует тебе приняться за изучение медицины, так как ты обнаружил способности к этой науке. Что касается тебя, врач, то за непростительную профессиональную ошибку ты по суду оправдан. Следующие!

Певец и музыканты.

Ах, что гнило, то не мило.

Что прекрасно, то опасно.

А закон гласит и этак и так.

Потому решили люди:

Двое спорят, третий судит.

Ну а судит очень ловко наш Аздак.

Из постоянного двора, расположенного у самой дороги, выходит Аздак. За ним следует хозяин постоянного двора, старик с длинной бородой. Работник и полицейский Шалва тащат судейское кресло. Латник с полковым знаменем

становится на свой пост.

Аздак. Поставьте его вот сюда. По крайней мере здесь можно дышать, чувствуется ветерок из лимонной рощи. Юстиции полезен свежий воздух. Ветер задирает ей юбки, и сразу видно, что под ними. Не надо было нам столько есть, Шалва. Эти инспекционные поездки очень утомительны. (Хозяину.) Дело идет о твоей невестке?

Хозяин. Ваша милость, дело идет о чести семьи. Вместо сына, который уехал по делам в горы, с жалобой обращаюсь я. Вот он, провинившийся работник, а вот и моя достойная сожаления невестка.

Входит невестка, особа с пышными формами. Лицо ее скрыто покрывалом.

Аздак (садится). Я беру.

Хозяин со вздохом дает ему деньги.

Так. Теперь все формальности выполнены. Речь идет об изнасиловании?

Хозяин. Ваша милость, я застал этого парня в конюшне как раз в ту минуту, когда он повалил нашу Тамару на солому.

Аздак. Совершенно верно. Конюшня. Чудесные лошадки. Особенно та маленькая, буланая.

Хозяин. Конечно, я тут же вместо сына стал стыдить Тамару.

Аздак (серьезно). Я говорю, что буланая мне нравится.

Хозяин (холодно). В самом деле? Тамара призналась мне, что работник сошелся с ней вопреки ее желанию.

Аздак. Скинь покрывало, Тамара.

Она открывает лицо.

Тамара, ты нравишься суду. Расскажи, как было дело.

Тамара (заученно). Я вошла в конюшню, чтобы поглядеть на нового жеребеночка. Работник заговорил со мной первый. Он сказал: "Ну и жара сегодня" - и положил мне руку на левую грудь. Я сказала ему: "Не делай этого", но он продолжал непристойно меня ощупывать, что вызвало у меня гнев. Прежде чем я разгадала его греховные намерения, он сделал свое черное дело. Затем вошел свекор и стал по ошибке пинать меня ногами.

Хозяин (объясняя). Вместо сына.

Аздак (работнику). Признаешь ли ты, что ты заговорил с ней первый?

Работник. Признаю.

Аздак. Тамара, ты любишь сладкое?

Тамара. Да. Семечки.

Аздак. Ты подолгу сидишь в лохани, когда моешься?

Тамара. Полчаса или около того.

Аздак. Господин общественный обвинитель, положи свой нож на землю, вон туда.

Полицейский Шалва кладет нож.

Тамара, пойди подними нож общественного обвинителя.

Тамара, покачивая бедрами, идет и поднимает нож.

(Показывает на нее.) Вы видите? Как все это качается? Преступная часть обнаружена. Факт насилия доказан. Из-за неумеренного потребления пищи, особенно сладостей, из-за того, что ты подолгу сидишь в теплой воде, из-за лени и слишком* мягкой кожи ты изнасиловала

этого несчастного человека. Ты думаешь, что, расхаживая с таким задом, можно увернуться от правосудия? Это же предумышленное нападение с опасным оружием. Согласно приговору ты передашь суду буланую лошадку, на которой ездит твой свекор вместо сына. А теперь ты пройдешь со мной в конюшню, Тамара, чтобы суд ознакомился с местом преступления.

По Военно-Грузинской дороге идут латники. Из одного места в другое носят они судейское кресло, на котором сидит Аздак. За ними - полицейский Шалва и работник. Шалва тащит виселицу. Работник ведет на поводу буланую лошадку.

Певец и музыканты.

У господ кипела ссора,

Но от этого раздора

Жил немножечко вольготнее бедняк.

По дорогам пестрым края,

Правду кривдой побивая,

К бедным людям ездил суд вершить Аздак.

Присуждал он все голодным,

Беднякам, себе подобным,

И скреплял печатью каждый свой шаг,

Под шумок разбойным сбродом

Вознесенный над народом

И неправедный и праведный Аздак.

Процессия удаляется.

Не ходите к вашим ближним

С христианским вздором книжным:

Не дождетесь вы от проповеди благ.

А ходите с топорами

И поверите вы сами

В чудеса, в какие верил наш Аздак.

Судейское кресло Аздака стоит в кабачке. Перед Аздаком, которому полицейский Шалва подает вино, стоят трое кулаков. В углу - старая крестьянка. В открытых дверях и

снаружи - деревенские жители. Латник с полковым знаменем

стоит на часах.

Аздак. Слово имеет господин общественный обвинитель.

Полицейский Шалва. Дело идет о корове. Обвиняемая уже пять недель укрывает у себя в хлеву корову, принадлежащую зажиточному крестьянину Дволадзе. У нее обнаружили также украденный окорок. Когда зажиточный крестьянин Рухадзе потребовал у обвиняемой арендной платы за принадлежащую ему землю, все его коровы были тотчас же кем-то прирезаны.

Кулаки. Дело идет о моем окороке, ваша милость.

- Дело идет о моей корове, ваша милость.

- Дело идет о моей земле, вата милость.

Аздак. А ты что на это скажешь, мамаша?

Старуха. Ваша милость, пять недель назад, под утро, ко мне постучались. Выхожу - стоит человек с бородой и держит за веревку корову. Он мне и говорит: "Любезная хозяйка, я чудотворец, святой Бандитус. Твой сын погиб на войне, и на память о нем я дарю тебе эту корову. Ходи за ней хорошенько".

Кулаки. Это разбойник Ираклий, ваша милость.

- Ее свояк, ваша милость!

- Конокрад и поджигатель!

- Голову бы ему отрубить!

Снаружи доносится женский крик. Толпа в беспокойстве отступает. Входит бандит Ираклий с огромным топором.

Ираклий! (Крестятся.)

Бандит. Добрый вечер, честная компания! Стакан вина!

Аздак. Господин общественный обвинитель, стакан вина гостю. Кто ты такой?

Бандит. Я странствующий отшельник, ваша милость. Благодарю вас за угощение. (Залпом осушает стакан, поданный Шалвой.) Еще один.

Аздак. Я Аздак. (Встает и отвечает поклоном.)

Бандит также кланяется.

Суд приветствует отшельника. Продолжай, мамаша.

Старуха. Ваша милость, в ту ночь я еще не знала, что святой Бандитус способен творить чудеса. Он привел корову, и только. А дня через два, тоже ночью, приходят ко мне работники этого кулака и хотят увести мою корову. И вдруг они поворачивают назад, и на головах у них высыпают огромные шишки. Тут я и поняла, что святой Бандитус смирил их сердца и наставил их на путь любви к ближнему.

Бандит громко смеется.

Первый кулак. Я знаю, чем он их наставил.

Аздак. Хорошо, что знаешь. Потом ты нам расскажешь. А пока продолжай ты!

Старуха. Затем, ваша милость, на путь добра стал кулак Рухадзе. Раньше это был сущий дьявол, любой подтвердит. Но благодаря святому Бандитусу он перестал брать с меня аренду за землю.

Второй кулак. Потому что на выгоне перерезали всех моих коров.

Бандит смеется.

Старуха (Аздак знаком велит ей продолжать). А однажды утром ко мне в окно влетел окорок. Он попал мне прямо в поясницу, так что я до сих пор хромаю. Вот поглядите, ваша милость. (Делает несколько шагов.)

Бандит смеется.

Конечно, это чудо. Хотела бы я знать, ваша милость, где это видано, чтобы старому бедному человеку приносили окорок!

Бандит всхлипывает.

Аздак (вставая). Твой вопрос, мамаша, поразил суд в самое сердце. Будь добра, сядь сюда.

Старуха, помедлив, садится в судейское кресло.

(Со стаканом в руке садится на пол.)

Мамаша, я чуть не назвал тебя матушкой

Грузией.

Тебя обобрали, а твои сыновья - на войне.

Ты избита, исхлестана, но ты не теряешь

надежды.

Ты плачешь, когда корову приводят к тебе.

Ты удивляешься, если тебя не бьют.

О, сжался над нами, мамаша, не суди нас

жестоко!

(Кричит на кулаков.) Сознайтесь, безбожники, что вы не верите в чудеса! Каждый из вас приговорен к штрафу в пятьсот пиастров за безбожие! Вон!

Кулаки смиренно уходят.

А ты, мамаша, и ты, благочестивая душа (бандиту), выпейте по стакану вина с общественным обвинителем и Аздаком.

Певец и музыканты.

Хоть законы и исконны,

Он, как хлеб, ломал законы,

Чтоб народ отведал права натошак.

И легко было крестьянам

Подкупить пустым карманом

Своего судью по имени Аздак.

Чтоб своих не дать в обиду,

Он обвешивал Фемиду,

Передергивая, если что не так.

В черной мантии судейской,

Под защитой полицейской,

Он два года попирал закон, Аздак.

Певец.

Кончились дни мятежей! Вернулся великий

князь.

Вернулась жена губернатора. Началась

расправа.

Снова горело предместье. Погибло много

людей.

Страшно стало Аздаку.

Судейское кресло Аздака снова стоит во дворе суда. Аздак, сидя на земле, чинит свой башмак и беседует с полицейским Шалвой. Снаружи доносится шум.

Видно, как за стеной на острие копья несут голову жирного князя.

Аздак. Дни твоего рабства, Шалва, а может быть, даже и минуты теперь уже сочтены. Я взнуздal тебя железными удилами разума, которые до крови разорвали твой рот, я хлестал тебя разумными доводами и посыпал твои раны солью логики. По природе своей ты слабый человек, и, если с умом бросить тебе аргумент, ты жадно впиваешься в него зубами, ты уже не владеешь собой. По природе своей ты испытываешь потребность лизать руки высшему существу. Но высшие существа бывают разные. И вот наступил час твоего освобождения, скоро ты сможешь опять следовать своим низменным страстям и тому безошибочному инстинкту, который велит тебе совать свои толстые подошвы человеку в лицо. Ибо прошли времена смятения и беспорядка, описанные в песне о хаосе, которую мы сейчас еще раз споем с тобою на память об этих ужасных днях. Садись и смотри не фальшивь. Бояться нечего, песня эта не запрещенная, а припев у нее просто популярный. (Поет.)

Брат, доставай нож! Сестра, закрывай лицо!

Время вышло из колеи.

Знатные плачут, смеются ничтожные.

Город кричит:

Давайте прогоним богатых и сильных!

В канцеляриях - сумятица. Списки рабов горят.

Господа вращают камни на мельницах.

Заточенные выходят на волю.

Выброшены церковные кружки. Эбеновое

дерево идет на кровати.

Кто мечтал о корке сухой - теперь хозяин

амбаров,

Он сам теперь хлеб раздает.

Полицейский Шалва.

Ох-ох-ох-ох.

Аздак (поет).

Где же ты, генерал? Наведи, наведи порядок,

Не узнать потомка господ. Благородный

ребенок

Превращается в сына рабыни.

Советники прячутся в старых сараях.

Бродяги бездомные

Нежатся в мягких постелях.

Кто был простым гребцом, теперь

судовладелец.

От прежнего хозяина ушли суда.

Гонцы говорят своему господину:

Шагайте сами,

Мы уже пришли.

Полицейский Шалва.

Ох-ох-ох-ох.

Аздак. Где же ты, генерал? Наведи, наведи порядок! Да и у нас была бы примерно такая же картина, если бы не спохватились и не навели порядок. В столицу уже вернулся великий князь, которому я, осел, спас жизнь, а персы дали напрокат войско для наведения порядка. Предместье уже горит. Принеси-ка мне толстую книгу, на которой я обычно сижу.

Полицейский Шалва берет с сиденья кресла книгу и дает ее Аздаку.

(Листает ее.) Это свод законов, я всегда им пользовался, ты свидетель.

Полицейский Шалва. Да, как сиденьем.

Аздак. Полистаю, погляжу что мне теперь припаяют. Мои поблажки неимушним выйдут мне боком. Я старался поставить бедняков на ноги. Теперь меня повесят по обвинению в пьянстве. Я заглядывал богатым в карманы. И мне некуда спрятаться, меня все знают, потому что я всем помогал.

Полицейский Шалва. Кто-то идет.

Аздак (сначала в испуге застывает на месте, затем, дрожа всем телом, идет к креслу). Конец. Но я никому не стану доставлять удовольствие зрелищем человеческого величия. На коленях прошу тебя, сжался надо мной, не уходи. У меня от страха течет слюна, я боюсь смерти.

Входит жена губернатора. Ее сопровождают адъютант и латник.

Жена губернатора. Это что за тварь, Гоги?

Аздак. Препослушная, ваша милость. Рад стараться.

Адъютант. Нателла Абашвили, жена покойного губернатора, только что вернулась и ищет своего двухлетнего сына Михаила Абашвили. Ей удалось узнать, что ребенок унесен в горы кем-то из прежних слуг.

Аздак. Слушаюсь, ваше высочество. Ребенок будет доставлен.

Адъютант. Говорят, что эта особа выдает ребенка за своего.

Аздак. Слушаюсь, ваше высочество. Она будет обезглавлена.

Адъютант. Это все.

Жена губернатора (уходя). Этот человек мне не нравится.

Аздак (проводит ее, отвешивая низкие поклоны). Слушаюсь, ваше высочество, все будет сделано.

VI

Меловой круг

Певец.

Теперь послушайте историю процесса

О ребенке губернатора Абашвили,

Где истинная мать была определена

С помощью знаменитого мелового круга.

Двор суда в Нуке. Латники вводят Михаила и затем уходят с ним в глубину сцены. Один из латников копьем удерживает Груше в воротах, пока не уведут ребенка. Затем ее выпускают. С ней вместе входит толстая повариха из челяди

бывшего губернатора Абашвили. Отдаленный шум. На небе - зарево пожара.

Груше. Он молодец, он уже моется сам.

Повариха. Тебе повезло, судить будет не настоящий судья, а Аздак. Он пьянчужка и ни в чем не разбирается. Самые большие разбойники выходили у него сухими из воды. Он все на свете пугает, и, какую бы взятку ему ни давали богатые, все ему мало. Поэтому когда он судит, нашему брату часто бывает удача.

Груше. Как мне нужна удача сегодня!

Повариха. Не сглазь. (Крестится.) Пожалуй, я успею быстренько помолиться, чтобы судья оказался под мухой. (Молится, беззвучно шевеля губами.)

Груше тщетно пытается увидеть ребенка.

Не понимаю, зачем ты так добиваешься чужого ребенка, да еще в такие времена.

Груше. Он мой. Я его вскормила.

Повариха. Неужели ты ни разу не подумала, что будет, когда она вернется?

Груше. Сначала я думала, что я отдам его ей, а потом я думала, что она не вернется.

Повариха. Чужая юбка тоже греет, верно?

Груше утвердительно кивает.

Я для тебя присягну в чем угодно, потому что ты порядочная женщина. (Твердит.) Этот ребенок был у меня на воспитании. Мне платили за него пять пиастров. Груше взяла его у меня на пасху, вечером, когда начались волнения.

Замечает приближающегося Симона Хахаву.

Но перед Симоном ты виновата, я с ним говорила, он никак этого понять не может.

Груше (она не видит Симона). Мне сейчас не до него, если он ничего не понимает.

Повариха. Он понял, что ребенок не твой; а что ты замужем и что только смерть может тебя освободить - этого он не понимает.

Груше замечает Симона и здоровается с ним.

Симон (мрачно). Пусть сударыня знает, что я готов поклясться. Отец ребенка - я.

Груше (тихо). Я рада, Симон.

Симон. Вместе с тем позволю себе заявить, что это меня ни к чему не обязывает и сударыню тоже.

Повариха. Ни к чему это. Она замужем, ты же знаешь.

Симон. Это ее дело, и незачем об этом напоминать.

Входят два латника.

Латники. Где судья?

- Никто не видал судьи?

Груше (отвернувшись и прикрыв лицо). Заслони меня. Не надо бы мне показываться в Нуке. Вдруг я наткнусь на латника, которого я ударила по голове...

Латник (один из тех, которые привели ребенка; выступая вперед). Судьи здесь нет.

Оба латника продолжают поиски.

Повариха. Только бы с ним ничего не случилось. Если будет судить другой, видов на успех у тебя столько же, сколько зубов у курицы.

Появляется третий латник.

Латник (один из тех, которые ищут судью; рапортует). Здесь только двое стариков и ребенок. Судья как в воду канул.

Третий латник. Продолжать поиски!

Оба латника быстро уходят. Третий латник задерживается. Груше вскрикивает. Латник оборачивается. Это ефрейтор, у него огромный шрам через все лицо.

Латник, стоящий в воротах. В чем дело, Шота? Ты ее знаешь?

Ефрейтор (после долгой паузы, во время которой он продолжает смотреть на Груше). Нет.

Латник, стоящий у ворот. Говорят, это она украла ребенка Абашвили. Если тебе что-нибудь известно об этом деле, ты можешь заработать кучу денег, Шота.

Ефрейтор бранясь уходит.

Повариха. Это он?

Груше кивает головой.

Ну, он будет теперь держать язык за зубами. Не то ему придется признаться, что он гнался за ребенком.

Груше (с облегчением). А я-то уж и забыла, что спасла ребенка от этих...

Входит жена губернатора с адъютантом и двумя адвокатами.

Жена губернатора. Слава богу, по крайней мере здесь нет народа. Совершенно не выношу этого запаха. У меня сразу начинается мигрень.

Первый адвокат. Прошу вас, сударыня, соблюдать осторожность в высказываниях, пока не назначат другого судью.

Жена губернатора. Ничего особенного я не сказала, Ило Шуболадзе. Я люблю народ за его простой, трезвый ум. Только от его запаха у меня делается мигрень.

Второй адвокат. Едва ли соберется публика. Из-за беспорядков в предместье люди сидят запершись по домам.

Жена губернатора. Это и есть та тварь?

Первый адвокат. Прошу вас, любезнейшая Нателла Абашвили, воздерживаться от всяких оскорбительных выражений, покамест мы не удостоверимся, что великий князь назначил нового судью и избавил нас от негодя, исполняющего ныне эту должность. Но, кажется, дело идет к тому. Поглядите.

Появляются латники.

Повариха. Ее милость давно бы вцепилась тебе в волосы, если бы она не знала, что Аздак на стороне простонародья. Он определяет человека по лицу.

Двое латников прикрепляют к столбу веревку. Вводят Аздака, на нем кандалы. Позади него, также в кандалах, идет полицейский Шалва. За арестантами

следуют трое кулаков.

Латник. Думал убежать, а? (Бьет Аздака.) Один из кулаков. Прежде чем вешать, стащите с него судейскую мантию!

Латники и кулаки срывают с Аздака судейскую мантию. Под нею оказываются лохмотья. Один из латников дает Аздаку пинка.

Латник (толкая Аздака в сторону другого латника). Тебе нужен мешок справедливости? Вот он, держи!

Латники (поочередно толкая Аздака, кричат). Бери его себе!

- Мне справедливость не нужна!

Аздак падает. Латники поднимают его и тащат к виселице.

Жена губернатора (во время этой "игры в мяч" она истерически хлопала в ладоши). Он был мне несимпатичен с первого взгляда.

Аздак (отдуваясь, он весь в крови). Я ничего не вижу, дайте мне тряпку вытереться.

Латники. А что тебе нужно видеть?

Аздак. Вас, собаки. (Рубахой вытирает кровь с глаз.) Бог в помощь, собаки! Как дела, собаки? Как поживает собачий мир? Хорошо ли воняет? Нашли ли вы сапог, чтобы было что лизать? Успели ли вы уже перегрызть друг другу горло, собаки?

Входит запыленный конный гонец. С ним - ефрейтор.

Гонец. Стойте, вот приказ великого князя о новых назначениях.

Ефрейтор (рывает). Смирно!

Все застывают.

Гонец. Вот что сказано насчет нового судьи. "Судьей в Нуке назначается Аздак, спасший жизнь, имеющую для нашей страны первостепенное значение". Кто этот Аздак?

Полицейский Шалва (указывая на Аздака). Он стоит под виселицей, ваше превосходительство.

Ефрейтор (рявкает). Что здесь происходит?

Латник. Разрешите доложить. Его милость были уже его милостью, а по доносу этих крестьян их объявили врагом великого князя.

Ефрейтор (указывая на кулаков). Увести!

Не слушая возражений кулаков, их уводят.

Позаботьтесь о том, чтобы впредь их милость не испытывали никакого беспокойства. (Уходит вместе с запыленным гонцом.)

Повариха (Шалве). Она хлопала в ладоши. Надеюсь, он это заметил.

Первый адвокат. Все пропало.

Аздак теряет сознание. Его поднимают, он приходит в себя. На него надевают судейскую мантию, и он, шатаясь, выходит из группы обступивших его латников.

Латники. Не взывайте, ваша милость!

- Что угодно вашей милости?

Аздак. Ничего не угодно, друзья мои собаки. Разве только сапог, чтобы лизать. (Шалве.) Я тебя помиловал.

С него снимают кандалы.

Принеси-ка мне красного сладкого.

Полицейский Шалва уходит.

Марш отсюда, мне надо разобрать одно дело.

Латники уходят. Возвращается Шалва с вином.

(Жадно пьет.) Дайте мне что-нибудь подложить под себя!

Шалва приносит свод законов и кладет его на судейское кресло.

(Садится.) Я беру!

У истцов, которые до сих пор совещались с самым озабоченным видом, проясняются лица. Они шушукуются.

Повариха. Ой-ой!

Симон. Как говорится, колодец росой не наполнишь.

Адвокаты (приближаются к Аздаку, который выжидательно приподнимается). Смехотворное дело, ваша милость. Противная сторона похитила ребенка и отказывается вернуть его матери.

Аздак (протягивает адвокатам ладонь, чтобы получить взятку, и глядит на Груше). Весьма привлекательная особа. (Опять получает деньги.) Открываю заседание и требую от вас полнейшей правдивости. (Груше.) Особенно от тебя.

Первый адвокат. Высокий суд! В народе говорят - "кровь гуще воды". Эта старая мудрость...

Аздак. Суд желает знать, какой гонорар назначен адвокату?

Первый адвокат (удивленно). Простите, как вы изволили сказать?

Аздак с самым любезным видом трет большой палец об указательный.

Ах вот что! Пятьсот пиастров, ваша милость. Отвечаю на необычный вопрос суда.

Аздак. Вы слышали? Вопрос, оказывается, необычен. Я спрашиваю потому, что, зная, какой вы хороший адвокат, слушаю вас совсем по-другому.

Адвокат (кланяется). Благодарю вас, ваша милость. Высокий суд! Узы крови прочнее всех прочих уз. Мать и дитя - есть ли на свете более тесная связь? Можно ли отнять у матери ее ребенка? Высокий суд! Она зачала его в священном экстазе любви, она носила его в лоне своем, она питала его своей кровью, она родила его в муках. Высокий суд! Известно, что даже люта тигрица, у которой похитили детеныша, не находит себе покоя и бродит по горам, отощав до неузнаваемости. Сама природа...

Аздак (прерывая его, обращается к Груше). Как ты ответишь на это и на все, что собирается сказать господин адвокат?

Груше. Ребенок мой.

Аздак. И это все? Надеюсь, ты сможешь привести доказательства. Во всяком случае, советую тебе сказать мне, почему ты считаешь, что я должен присудить его именно тебе.

Груше. Я растила его в меру своих сил и своего разуменья, я всегда добывала ему еду. Почти всегда у него была крыша над головой. Чего я не натерпелась из-за него, сколько денег истратила. Я не считалась со своими удобствами. Я воспитывала ребенка так, чтобы он был со всеми приветлив, я приучала его к труду, и он старался как мог, он ведь совсем еще маленький.

Адвокат. Обратите внимание, ваша милость, что сама эта особа не ссылается ни на какие кровные узы между собой и ребенком.

Аздак. Суд принимает это к сведению.

Адвокат. Благодарю вас, ваша милость. Соблаговолите выслушать теперь убитую горем женщину, уже потерявшую супруга и живущую ныне под страхом потери ребенка.

Достопочтенная Нателла Абашвили...

Жена губернатора (тихо). Жестокая судьба, сударь, вынуждает меня просить вас вернуть мне мое любимое дитя. Не мне описывать вам душевные муки осиротевшей матери, страхи, бессонные ночи...

Второй адвокат (его вдруг прорвало). Эту женщину подвергают неслыханным издевательствам. Ей запрещают вход во дворец ее мужа, ее лишают доходов с имений и при этом хладнокровно заявляют, что доходы принадлежат наследнику. Без ребенка она не может ничего предпринять, не может даже заплатить своим адвокатам! (Первому адвокату, который, в отчаянии от этой вспышки, и так и этак делает ему знаки, чтобы он замолчал.) Дорогой Ило Шуболадзе, к чему скрывать, что дело идет, в конце концов, об имениях Абашвили?

Первый адвокат. Позвольте, уважаемый Сандро Оболадзе! Мы же условились... (Аздаку.) Конечно, исход процесса решит также, вступит ли наша достопочтенная доверительница во владение очень большими имениями, но я намеренно подчеркиваю "также". Ибо главное, как по праву заметила в начале своей потрясающей речи Нателла Абашвили, ибо главное - это человеческая трагедия матери. Даже если бы Михаил Абашвили не был наследником имений, он все равно оставался бы любимым сыном моей доверительницы!

Аздак. Стоп! Суд рассматривает упоминание об имуществе как доказательство чисто человеческих побуждений истицы.

Второй адвокат. Благодарю вас, ваша милость. Дорогой Ило Шуболадзе, на всякий случай мы можем доказать, что особа, похитившая ребенка, не является его матерью! Позвольте мне изложить суду только факты. Роковое стечение обстоятельств заставило мать оставить ребенка в момент бегства из Нуки. Груше, судомойка, была в тот день во дворце, и люди видели, как она занялась ребенком.

Повариха. У губернаторши только и было забот, какие платья взять!

Второй адвокат (невозмутимо). Примерно через год Груше с ребенком объявилась в одной горной деревне, где она вступила в брак с...

Аздак. Как ты добралась до деревни?

Груше. Пешком, ваша милость. А ребенок был мой.

Симон. Я отец, ваша милость.

Повариха. Этот ребенок был у меня на попечении, ваша милость. Мне платили пять пиастров.

Второй адвокат. Высокий суд, этот человек - жених Груше, поэтому его показания не заслуживают доверия.

Аздак. Это за тебя она вышла замуж в деревне?

Симон. Нет, ваша милость. Она вышла замуж за одного крестьянина.

Аздак (кивком подзывая Груше). Почему? (Указывая на Симона.) Разве он плох в постели? Скажи правду.

Груше. У нас до этого дело не дошло. Я вышла замуж из-за ребенка. Чтобы у мальчика была крыша над головой. (Указывая на Симона.) Он был на войне, ваша милость.

Аздак. А теперь он опять тебя захотел, так, что ли?

Симон. Прошу записать в протокол, что...

Груше (сердито). Я уже не свободна, ваша милость.

Аздак. А ребенок, значит, внебрачный?

Груше не отвечает.

Я спрашиваю тебя: что это за ребенок? Незаконный оборвыш или благородное дитя из состоятельной семьи?

Груше (со злостью). Обыкновенный ребенок.

Аздак. Были ли у него уже в раннем возрасте необычно тонкие черты лица?

Груше. Нос у него был на лице,

Аздак. У него был нос на лице. Я считаю твой ответ весьма важным. Обо мне говорят, что однажды, перед тем как вынести приговор, я вышел в сад и нюхал там розы. Вот к каким уловкам приходится нынче прибегать. Не будем затягивать дело, мне надоело слушать ваше вранье. (Груше.) Особенно твое. (Груше, Симону и поварихе.) И чего вы только не придумывали, чтобы меня околпачить. Я вижу вас насквозь. Обманщики вы.

Груше (вдруг). Конечно, вы не станете затягивать дело! Я же видела, как вы брали!

Аздак. Молчать! Я у тебя брал?

Груше (хотя повариха пытается ее удержать от спора). Потому что у меня и нет ничего.

Аздак. Совершенно верно. Если надеяться на вас, голодранцев, как раз и подохнешь с голоду. Справедливость вам подавай, а платить-то за нее не хочется. Когда вы идете к мяснику, вы знаете, что придется платить, а к судье вы идете как на поминки.

Симон (громко). Как говорится, "когда куют коня, слепень пускай не суется".

Аздак (охотно принимая вызов). "Жемчужина в навозной куче лучше, чем камень в горном ручье".

Симон. "Прекрасная погода, - сказал рыбак червяку. - Не поудить ли нам рыбки?"

Аздак. "Я сам себе хозяин", - сказал слуга и отпилил себе ногу".

Симон. "Я люблю вас, как отец", - сказал царь, крестьянам и велел отрубить голову царевичу".

Аздак. "Дурак себе же злейший враг".

Симон. "Свое не воняет".

Аздак. Плати десять пиастров штрафа за непристойные речи в суде. Будешь знать, что такое правосудие.

Груше. Нечего сказать, чистоплотное правосудие. Ты оставляешь нас с носом, потому что мы не умеем так красиво говорить, как их адвокаты.

Аздак. Правильно. Слишком уж вы робки. Если вам дают по шее, так вам и надо.

Груше. Да уж, конечно, ты присудишь ребенка ей. Она человек тонкий. Как пеленки менять, она понятия не имеет! Так знай же, в правосудии ты смыслишь не больше моего.

Аздак. Это верно. Я человек невежественный, под судейской мантией у меня рваные штаны, погляди сама. У меня все деньги уходят на еду и на выпивку. Я воспитывался в монастырской школе. А кстати, я и тебя оштрафую на десять пиастров за оскорбление суда. И вообще ты дура, ты настраиваешь меня против себя, вместо того чтобы строить мне глазки и вертеть задом. Ты бы добилась моего расположения. Двадцать пиастров.

Груше. Хоть все тридцать. Все равно я выскажу тебе все, что о тебе думаю, пьянчужка. Чего стоит твоя справедливость? Как ты смеешь так говорить со мной? Ты же похож на треснувшего Исаяю на церковном окне! Когда мать тебя рожала, она никак не думала, что ей придется сносить от тебя побои, если она возьмет у кого-нибудь горсточку пшена. Ты видишь, что я дрожу перед тобой, и тебе не стыдно? А им ты слуга, ты следишь, чтоб никто не отнял у них домов, которые они украли! С каких это пор дома принадлежат клопам? Если бы не ты, они, чего доброго, не смогли бы угонять на свои войны наших мужей! Продажная ты тварь, вот кто ты!

Аздак встает. Он сияет. Он неохотно стучит молоточком по столу, словно требуя тишины. Но так как Груше не унимается, он начинает отбивать такт ее

речи.

Я тебя нисколько не уважаю. Не больше, чем вора или грабителя. Те тоже творят, что хотят. Ты можешь отнять у меня ребенка, сто против одного, что это так и будет, но знай одно: на твою должность надо бы сажать только ростовщиков и растлителей малолетних. Лучшего наказания для них не придумаешь, потому что сидеть выше себе подобных гораздо хуже, чем висеть на виселице.

Аздак (садится). Теперь тридцать пиастров, но больше я с тобой препираться не стану, мы не в трактире. Не буду ронять свое судейское достоинство. И вообще я утратил интерес к твоему делу. Где эти двое, которых нужно развести? (Шалве.) Введи их. А ваше дело я откладываю на четверть часа.

Полицейский Шалва уходит.

Первый адвокат. Даже если мы не скажем больше ни слова, можно считать, что решение у вас в кармане.

Повариха (Груше). Ты сама все испортила. Теперь он заберет у тебя ребенка.

Входит очень старая супружеская чета.

Жена губернатора. Гоги, где моя нюхательная соль?

Аздак. Я беру.

Старики не понимают.

Мне сказали, что вы решили развестись. Сколько лет вы уже вместе?

Старуха. Сорок лет, ваша милость.

Аздак. Почему вы желаете развестись?

Старик. Мы друг другу несимпатичны, ваша милость.

Аздак. С каких пор?

Старуха. С самого начала, ваша милость.

Аздак. Я обдумаю ваше желание и вынесу решение. Но сначала я покончу с другим делом.

Полицейский Шалва отводит стариков в глубину сцены.

Мне нужен ребенок. (Кивает Груше и дружелюбно наклоняется в ее сторону.) Я вижу, ты любишь справедливость. Я не верю тебе, что это твой ребенок, но, если бы он был твой, разве ты не желала бы ему богатства? Ты все равно должна была бы сказать, что он- не твой. И сразу бы у него появился дворец, множество лошадей в конюшне, множество нищих у порога, множество солдат на службе, множество просителей во дворе. Не так ли? Что ты мне на это ответишь? Разве ты не хочешь, чтобы он был богат?

Груше молчит.

Певец. Послушайте, что подумала в гневе, послушайте, чего не сказала. (Поет.)

Он бы слабых стал давить.

Стал бы в золоте купаться,

Он привык бы зло творить,

Но зато смеяться.

Ах, на свете невозможно

С сердцем каменным прожить,

Ибо слишком это сложно

Сильным слыть и зло творить.

Пусть лучше голода он боится,

А голодающих - нет.

Пусть лучше он темноты боится,

Только не света, нет.

Аздак. Кажется, я тебя понимаю, женщина.

Груше. Я его не отдам. Я его вскормила, и он ко мне привык.

Полицейский Шалва вводит ребенка.

Жена губернатора. Она одевает его в лохмотья.

Груше. Это неправда. Мне не дали времени надеть на него новую рубашку.

Жена губернатора. Он жил в свинарнике.

Груше (запальчиво). Я-то не свинья, а вот ты кто? Где ты бросила ребенка?

Жена губернатора. Я тебе покажу, хамка. (Хочет броситься на Груше, но ее удерживают адвокаты.) Это преступница! Ее нужно высечь.

Второй адвокат (зажимает ей рот). Любезнейшая Нателла Абашвили! Вы обещали...
Ваша милость, нервы истицы...

Аздак. Истица и ответчица! Выслушав ваше дело, суд не смог прийти к заключению, кто является истинной матерью этого ребенка. Как судья, я обязан выбрать ребенку мать. Я сейчас устрою вам испытание. Шалва, возьми кусок мела. Начерти на земле круг.

Полицейский Шалва чертит мелом круг.

Аздак. Поставь ребенка в круг!

Полицейский Шалва ставит в круг улыбающегося Груше ребенка.

Истица и ответчица, станьте обе возле круга!

Жена губернатора и Груше становятся возле круга.

Возьмите ребенка за руки, одна за левую, другая за правую. У настоящей матери хватит сил перетащить его к себе.

Второй адвокат (торопливо). Высокий суд, я протестую. Судьбу огромных имений Абашвили, наследуемых этим ребенком, нельзя ставить в зависимость от столь сомнительного состязания. Следует учесть также, что моя доверительница уступает в физической силе этой особе, привыкшей к черной работе.

Аздак. По-моему, ваша доверительница достаточно упитанна. Тяните!

Жена губернатора тянет ребенка к себе. Груше отпускает руку мальчика, лицо ее выражает отчаяние.

Первый адвокат (поздравляет жену губернатора). Что я говорил? Узы крови!

Аздак (Груше). Что с тобой? Ты не стала тянуть.

Груше. Я его не удержала. (Подбегает к Аздаку.) Ваша милость, я беру все свои слова обратно, прошу вас, простите меня. Оставьте мне его, хотя бы до тех пор, пока он не будет знать всех слов. Он знает пока еще слишком мало.

Аздак. Не оказывай давления на суд! Готов поспорить, что ты и сама знаешь не больше двадцати слов... Ну что ж, согласен повторить испытание, чтобы решить окончательно. Тяните!

Обе женщины еще раз становятся возле круга.

Груше (снова выпускает руку ребенка; в отчаянии). Я его вскормила! Что же, мне его разорвать, что ли? Не могу! я так.

Аздак (встает). Итак, суд установил, кто настоящая мать. (Груше.) Бери ребенка и уходи с ним. Советую тебе не оставаться с ним в городе. (Жене губернатора.) А ты ступай долой с глаз моих, пока я не осудил тебя за обман. Имена отходят к городу, с тем чтобы там разбили сад для детей. Детям нужен сад. И я велю назвать этот сад в мою честь садом Аздака.

Адьютант уводит жену губернатора. Она в полуобмороке. Адвокаты ушли еще раньше. Груше в оцепенении. Шалва подводит к ней ребенка.

Ибо я решил отказаться от судейской мантии. Мне в ней слишком жарко. Я не корчу из себя героя. Но на прощание я приглашаю вас поплясать, вон туда, на лужок. Да, чуть не забыл, хмельная голова. Мне же надо кончить дело о разводе.

Пользуясь судейским креслом как столом, Аздак что-то пишет на клочке бумаги. Затем он собирается уходить. Звучит танцевальная музыка.

Полицейский Шалва (взглянув на исписанный листок). Это неверно. Вы развели не стариков, а Груше и ее мужа.

Аздак. Что такое, не тех развел? Жаль, но ничего не поделаешь, отменить решение я не могу, нельзя нарушать порядок. (Старым супругам.) Зато я приглашаю вас на небольшое торжество, поплясать друг с другом, надеюсь, вы еще сможете. (Груше и Симону.) А с вас обоих причитается сорок пиастров.

Симон (достаёт кошелек). Это дешево, ваша милость. Большое спасибо.

Аздак (прячет деньги). Они мне пригодятся.

Груше. Пожалуй, мы сегодня сразу и уйдем из города. Как ты думаешь, Михаил?
(Хочет посадить ребенка на плечи Симону.) Он тебе нравится?

Симон (сажает ребенка на плечи). Осмелюсь доложить, нравится.

Груше. Так вот, теперь я тебе скажу: я взяла его потому, что как раз в то пасхальное воскресенье мы с тобой обручились. И значит это - дитя любви. Пошли танцевать, Михаил.

Она танцует с Михаилом. Симон танцует с поварихой. Танцуют и двое стариков. Аздак стоит в глубокой задумчивости. Танцующие постепенно заслоняют его от зрителей. Все реже видна его фигура, по мере того как на сцене появляются

все новые и новые танцующие пары.

Певец.

И после этого вечера Аздак навсегда исчез.

Но долго еще о нем вспоминал грузинский народ.

Долго не забывал недолгой поры золотой,

Почти справедливой поры его судейства.

Пары, танцую, покидают сцену. Аздак исчез.

Вы же, о слушатели рассказа,

Рассказа о круге судьбы, запомните старинную

мудрость:

Все на свете принадлежать должно

Тому, от кого больше толку, и значит,

Дети - материнскому сердцу, чтоб росли

и мужали

Повозки - хорошим возницам, чтоб быстро

катились.

А долина тому, кто ее оросит, чтоб плоды

приносила

Музыка.

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Aufbau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

КАВКАЗСКИЙ МЕЛОВОЙ КРУГ

(Der Kaukasische Kreidekreis)

Пьеса "Кавказский меловой круг" была написана Б. Брехтом за два месяца в 1945 г. и переработана в 1953-1954 гг. впервые опубликована в 1948 г. в журнале "Sinn und Form" и окончательная редакция - в сборнике "Versuche", Heft 13, Aufbau-Verlag, Berlin, 1954. Русский перевод - С. Апта опубликован в кн.: Б. Брехт, Пьесы, М., "Искусство", 1956.

Замысел пьесы относится к двадцатым годам, когда Брехт увидел в берлинском Лессинг-театре старинную восточную драму "Меловой круг", обработанную Клабундом (1890-1928). Лишь спустя почти четверть века Брехт написал прозаическое произведение, в котором использовал сюжет, обработанный Клабундом: в 1948 г. была опубликована новелла "Аугсбургский меловой круг" (BadenBaden, "Das goldene Tor", III, I, S. 80-92). Ее русский перевод см. в кн. Б. Брехт, Стихи, роман, новеллы, публицистика, М., ИЛ, 1956. В качестве еще одного сюжетного источника следует назвать известную библейскую притчу о суде царя Соломона, повелевшего мечом разрубить младенца и отдать по половинке каждой из женщин, претендующих на него: так он обнаружил настоящую мать, которая воспротивилась этому убийству и была готова отказаться от ребенка в пользу своей соперницы. У Брехта оба сюжета оказались существенно переработанными: и в новелле и в пьесе настоящей матерью признается не та, которую связывают с ребенком узы крови, а та, которая вырастила и воспитала его. Подлинно человеческие отношения важнее формальной родственности такова идея Брехта.

В новелле 1948 г. действие происходит в Германии семнадцатого века, в эпоху тридцатилетней войны. Судья Доллингер, простой человек из народа, обладающий здравым смыслом и справедливостью крестьянина, лишь делает вид, что в ходе судебного заседания выясняет, кто из двух женщин является матерью ребенка, - на самом деле он выясняет, кто из них обеих подлинный человек. В пьесе "Кавказский меловой круг" действие из Германии перенесено в Грузию. Впрочем, место не имеет для Брехта существенного значения, оно скорее условно, как и имена главных действующих лиц. Сюжет в основе остался прежним, но обогатился многочисленными эпизодами, психологическими и социальными мотивировками. Так, введена точная мотивировка претензии "юридической" матери на ребенка: мальчик Михаил - наследник имений князя Абашвили, и матери нужен не он, а имения. У приемной матери есть жених, солдат Симон Хахава, который является главным носителем темы человеческой солидарности трудовых людей: он поддерживает Груше и помогает ей, преодолевая мучительную ревность и оскорбленное мужское достоинство. Образ приемной матери изменился и углубился: в пьесе это не пожилая крестьянка, как Анна в новелле, а юная девушка, ставящая на карту собственное благополучие, рискующая любовью своего жениха и даже, по сути дела, жертвующая личной жизнью ради спасения ребенка. В пьесе широко развернута и тема судьи Аздака - человека из народа, который защищает неимущих, руководствуясь чувством социальной справедливости, но при этом отнюдь не является добродетельным героем.

Первая редакция пьесы была впервые поставлена студенческим любительским театром

в г. Нордфилдсе (штат Миннесота, США) в 1947 г. Премьера в "Берлинском ансамбле" состоялась 15 июня 1954 г. Режиссер спектакля Б. Брехт при участии М. Векверта; композитор - Пауль Дессау, художник - Карл фон Аппен. Роли исполняли: Аздака - Эрнст Буш, Груше - Ангелика Хурвиц, жены губернатора - Елена Вайгель, князя Казбеки - Вольф Кайзер. Этот спектакль одно из высших достижений Брехта-режиссера, а также и вообще немецкого театра, что было признано прессой в Германской Демократической Республике, во Франции (гастроли в июне 1955 г.), в Англии (гастроли в октябре 1956 г.), в Советском Союзе (гастроли в мае 1957 г.).

Оценивая спектакль, критик Е. Луцкая писала в журнале "Театр": "Традиция, дошедшая с античных времен, порожденная всем существом Народного театра - от карнавальных шествий до площадных мистерий, - ожила и предстала совсем юной в этом спектакле, где мудрость граничит с наивностью, условный гротеск уживается с изощренным психологизмом, а комедийное начало мирно соседствует с трагическим" (1957, Э 8, стр. 178). Характеристику режиссерских приемов Б. Брехта в этом спектакле и особенностей оформления читатель найдет в том же номере журнала "Театр" в статье Ю. Юзовского - "На спектаклях "Берлинского ансамбля" (стр. 154-155).

На малой сцене театра во Франкфурте-на-Майне премьера состоялась 28 апреля 1955 г. Режиссер Гарри Буквиц, сильно сокративший пьесу, отбросил даже пролог: в этом отношении он, видимо, был вынужден уступить давлению сил реакции в ФРГ. И все же спектакль оказался острым. Немалое значение тут имело оформление Тео Отто, а также игра Кете Райхель из "Берлинского ансамбля" (Груше), Ганса Эрнста Егера из Бохума (Аздак), Вусова (Симон Хахава), Эрнствальтера Митульского (князь), Отто Роувеля (певец).

Из постановок в ФРГ следует еще назвать следующие. Маннгейм: премьера 28 февраля 1956 г.; режиссер Гейнц Иоахим Клейн, художник Пауль Вальтер; в роли Груше - Альдона Эрет, Аздака - Эрнст Роннекер. Ганновер: премьера 4 февраля 1958 г.; режиссер Франц Рейхтер, художник Фридрих Штенгер; в роли Груше - Зигрид Маркварт, Аздака - Гюнтер Нойтце. Кассель: премьера 10 марта 1959 г., режиссер - Альберт Фишель, художник - Лотар Баумгартен: в роли Груше - Эрика Хельмерт, Аздака - Ганс Музеус.

Следует особо отметить спектакль в театре г. Галле, поставленный в октябре 1962 г. режиссером Эугеном Шаубом (уже ставившим ту же пьесу в Эрфурте в 1956 г.); художник Рольф Деге; роли исполняли: Генрих Шрамм (певец), Хельмут Фидлер (Аздак), Корнелия Краус (Груше), Иоахим Цшокке (Симон Хахава), Конрад Герике (князь). Пресса отмечала, что в этом спектакле "социально-политический смысл был подчеркнут энергичным выявлением диалектических противоречий и элементов народной зрелищности" ("Liberal-Demokratische Zeitung", Halle, 1962, 7 ноября). В ГДР за период с 1956 по 1962 г. пьеса была поставлена девятью театрами в городах Эрфурте, Бранденбурге, Гере, Дрездене, Лейпциге, Галле, Карл-Маркштадте, Шверине и Берлине-Трептове.

За пределами Германии "Кавказский меловой круг" - одна из наиболее часто ставящихся пьес Брехта. Отметим лондонский спектакль, поставленный в Королевском шекспировском театре в марте 1962 г. Уильямом Гаскиллом; роль Груше исполняла Пэтси Бирн. Английская и немецкая пресса разных направлений отмечала, что этот спектакль, поставленный в духе "Берлинского ансамбля", "лучший лондонский Брехт" ("Frankfurter Rundschau", 1962, 9 апреля).

В Польше, в Краковском театре им. Словацкого, первое представление состоялось 31 мая 1954 г. Режиссер - Ирена Бабель, художник - Анджей Стопка. В 1960 г. пьеса была поставлена в Варшаве в "Театр Повчехни" тем же режиссером, художник - Кжиштоф

Панкевич; роли исполняли: Груше - София Куцовна, Симона Хахавы - Богдан Лысаковский, Аздака - Войцек Раевский. Пресса отмечала этот спектакль как шаг вперед в освоении Брехта польским театром ("Zycie Warszawy", 1960, 7 мая).

В Советском Союзе пьеса была поставлена двумя московскими театрами одновременно в марте 1964 г.: в театре им. Н. В. Гоголя (режиссер - А. Дунаев, художник - М. Варпех; в роли Груше - Л. Гаврилова, Аздака - А. Краснопольский) и в театре им. Вл. Маяковского (режиссер В. Дудин, художники - В. Кривошеина и Е. Коваленко; в роли Груше - Г. Анисимова, Аздака - Л. Свердлин, Симона - И. Охлупин, свекрови - Н. Тер-Осипян). Спектакль в театре им. Гоголя отличался продуманной и последовательной режиссерской концепцией, удачным решением пролога и несомненным успехом двух главных исполнителей - Краснопольского и Гавриловой, хотя в нем остались невыявленными многие живописные возможности, заключенные в пьесе. Напротив, в спектакле театра им. Маяковского, внешне красочном и ярком, с актерскими удачами в эпизодических ролях (Тер-Осипян, Охлупин и др.), режиссер не сумел найти для пьесы, как философской параболы, адекватного сценического решения.

Стр. 254. Пиастр - здесь условное название монеты. Пиастры были в хождении в Турции, Египте, Ливане, Сирии.

Стр. 314. Пародийная сцена суда над военными преступниками, в которой проводится излюбленная идея Брехта об антипатриотизме правителей; во время написания пьесы перекликалась с Нюрнбергским процессом над фашистскими главарями.

Стр. 317. Фемида - древнегреческая богиня правосудия.

Стр. 318. Время вышло из колеи - цитата из "Гамлета" Шекспира.

Е. Эткинд